

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФАКУЛЬТЕТ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ
КАФЕДРА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

На правах рукописи

УДК – 891.709

ИСАЕВА ЮЛИЯ ПАВЛОВНА

**«ПОИСКИ ПРАВСТВЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С.
ЛЕСКОВА».**

**5A120101 – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
(РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА)**

**МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание академической степени магистра филологии**

**Работа рассмотрена и допущена
к защите _____ 2018 года**

**Научный руководитель :
доц. Назарьян Р. Г.**

**Завкафедрой русской и зарубежной
литературы :
доц. Ишниязова Ш. А. _____**

Самарканд – 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. Нравственные коллизии и их решение в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда».....	13
1.1. Деграция личности в повести «Леди Макбет Мценского уезда».....	13
1.2. «Шекспировский текст» в творчестве писателя.....	20
Выводы по главе 1.....	28
ГЛАВА 2. Религиозно – философские мотивы Н. С. Лескова.....	29
2.1. Христианские постулаты и их решение в творчестве писателя.....	29
2.2. Секты в произведениях : духоборчество и молоканство.....	40
2.3. Иконография : различия в изображении Христа православными и католиками в рассказе «На краю света». «Адописные» иконы «Запечатленного ангела».....	49
2.4. Цветообозначение, символика чисел, особенность ритуальной пищи в произведениях.....	57
Выводы по главе 2.....	70
ГЛАВА 3. Позднее творчество Н. С. Лескова.....	73
3.1. Диалог «старого» и «нового» в хронике «Соборяне».....	73
3.2. Социальный пафос поздних рассказов.....	81
Выводы по главе 3.....	88
Заключение.....	90
Список использованной литературы.....	96

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы. В творчестве Н. С. Лескова (1831 – 1895) – одного из крупнейших русских мастеров слова второй половины XIX в., значительно повлиявшего на развитие отечественной литературы, - с особой очевидностью представлена христианская картина мироздания.

Понять лесковский художественный мир вне религиозного контекста, философско - нравственных раздумий, устремлений и обретений художника невозможно.

Обращение к религии в поисках цельного духа, обретение надежного ориентира в нравственном совершенствовании человека и преобразовании мира определило особенности творчества многих русских писателей. Литературный критик конца XIX столетия М. О. Меньшиков замечал, что лучших авторов «охватывает какое-то молитвенное настроение : с особой силой начинает говорить в них совесть, жажда забытого идеала, предчувствие мировой тайны»¹.

Путь произведений Лескова к современному читателю оказался очень трудным, так как в силу объективных обстоятельств его творчество ни при жизни писателя, ни после его смерти долго не оценивалось по достоинству. То, что длительное время проза писателя оставалась невостребованной критикой, связано во многом с выходом его антинигилистического романа «Некуда», который был не принят общественностью и подвергся жесткой критике со стороны литературных «староверов», надолго закрыв перед Лесковым двери всех прогрессивных русских журналов.

Русский писатель и литературовед Даниил Андреев указал в отношении Лескова на горькую библейскую истину о том, что «нет пророка в своем отечестве» : «Таланты - вестники, как Лесков или Алексей Константинович Толстой, оставались изолированными единицами; они, так

¹ Меньшиков М. О. Критические очерки. М.: СПб., 1989. – 118 с.

сказать, гребли против течения, не встречая среди своих современников ни должного понимания, ни справедливой оценки»².

Таким образом, выбор темы диссертационного исследования определяется необходимостью уточнения взглядов в отечественном литературоведении на творческое самоопределение Лескова в нравственно – религиозном и философском ключе.

Актуальность исследования. Актуальность изучения нравственных и религиозно – философских воззрений писателя объясняется возросшим интересом к его художественному творчеству, возникшем на волне переосмысления истории русской литературы XIX века и тех нравственных проблем, которые она поднимала. В ряду великих русских писателей Н. С. Лесков прочно занял достойное место и как талантливый мастер, создавший глубокие и оригинальные художественные произведения, и как мыслитель, который в своих художественных и публицистических произведениях высказал социально значимые нравственно – философские идеи о мире и человеке. Лесков поднимает острейшие вопросы общественной жизни России 2 – й половины XIX века, ставит социально - нравственные проблемы мира как целого, исследует характер взаимоотношения человека и общества, анализирует взаимодействие социальной и духовной природы личности. Создавая неповторимые художественные образы, Лесков рассматривает особенности религиозного сознания русского народа через категории добра и зла, а также исследует основы духовно – нравственной культуры человека.

Актуальность изучения социально – нравственных воззрений Лескова объясняется и тем, что во второй половине XIX века не только Россия, но и все европейское сообщество вступило в полосу политического и духовного кризиса. Именно поэтому философское осмысление важнейших социальных проблем и прежде всего проблемы человека находилось в центре внимания многих русских писателей и мыслителей и нашло отражение в творчестве Лескова.

² Андреев Д. Роза мира: Метафилософия истории. М., 1991. – 174 с

Степень изученности. Н. С. Лесков – самый русский, но наименее прочитанный писатель, творчество самобытнейшего русского «художника слова» все еще остается недостаточно изученным.

В лесковедении продолжают проявляться две крайности : одни исследователи, игнорируя сложную эволюцию идейно – художественных и религиозных исканий писателя – его «трудный рост», видят в Лескове прежде всего автора «антинигилистических романов», и это заставляет их резко противопоставлять его творчество демократической литературе 60 – х годов; другие, отвлекаясь от нравственно – социального пафоса его произведений, сосредотачивают внимание на мастерстве писателя, красочности его затейливой сказовой речи, его жанровом новаторстве.

Примечательно, что и самого Лескова раздражал официально – формалистический подход к его сочинениям русской критики 80 – 90 - х годов : «Говорят о моем «языке», о его колоритности и народности; о богатстве фабулы, о сконцентрированности манеры письма, о сходстве и т. д., а главное не замечают... И что это за манера у современных критиков...» - с досадой говорил писатель А. И. Фаресову³. Главное, это, очевидно, общий пафос творчества, определяемый идеалом писателя – «служением исповедуемой истине или идее»⁴.

С сожалением приходится констатировать, что такое отношение к лесковскому творчеству во многом сохраняется в настоящее время. Сочинения писателя в аспекте проблемы становления и развития нравственного содержания нередко подвергается поверхностным, прямолинейным, односторонним оценкам. В то же время Лесков столь многогранен в своем творчестве, что объективную сложность его мировоззренческой позиции, во многом определяющей художественную неповторимость произведений писателя, невозможно ни «выпрямить», ни

³ Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л.: Лениздат, 1978. – 3 с.

⁴ Там же, 3 с.

«втиснуть» в какие бы то ни было рамки, ни «подогнать» под заданные определения.

Изучение нравственно – философских воззрений Лескова по существу началось в последней четверти XX века в работах известных литературоведов и историков общественной мысли, которые все настойчивее характеризовали Лескова не только как художника слова, но и как мыслителя и философа.

Так, И. П. Видуэцкая, назвав Лескова вслед за Достоевским «писателем – пророком»⁵, выразила такой взгляд на его творчество, который дает основание видеть в основе художественных поисков писателя философские искания, выразившиеся прежде всего в опоре «на прошлое России, на устойчивые и неизменные в течении длительного времени национально – исторические основы жизни»⁶.

Особенности идейно – нравственной проблематики в творчестве Лескова отмечают Б. Я. Бухштаб, В. В. Основин, Н. Н. Старыгина, все больше подчеркивая философскую основу авторской мысли.

Вопрос о духовно – нравственных и религиозных убеждениях писателя, служащих основанием для восприятия жизни и в известных отношениях определившего своеобразную образность лесковского художественного мира, не раз поднимался в трудах писателей и мыслителей русского зарубежья первой волны эмиграции : И. А. Ильина, Б. К. Зайцева и других.

Дело изучения творческого наследия Лескова значительно продвинули вперед современные научные исследования Л. Н. Афолина, В. О. Анкудиновой, Л. А. Аннинского, К. Л. Богаевской, И. П. Видуэцкой, А. А. Горелова, Б. С. Дмитренко, Б. С. Дыхановой, О. В. Евдокимовой, Л. М. Купчановой, Г. Б. Курляндской, Д. С. Лихачева, А. В. Лужановского, О. Е. Майоровой, Н. Н. Старыгиной и многих других российских ученых.

⁵ Видуэцкая И. П. Н. С. Лесков. М.: Спб., 1996. – 85 с.

⁶ Там же, 87 с.

Таким образом, хотя лесковедение в целом сегодня представляет довольно стройную систему взглядов, которые определяют Лескова как художника слова, отличающегося глубиной познания народной жизни, самобытностью, тем не менее нравственно-философские взгляды писателя еще четко не определены, так же как глубоко не исследованы и философско-религиозные основы его творчества.

Предметом исследования является духовно-нравственное и философско - религиозное сознание Н. С. Лескова.

Объект исследования – художественное и публицистическое творчество писателя 1860 – х – 1890 – х годов : «Леди Макбет Мценского уезда», «Соборяне», «На краю света», «Запечатленный ангел» и др.

Цель исследования - выявить духовно-нравственные и философско-религиозные основы художественного и публицистического творчества Лескова, проследить их эволюцию.

Задачи исследования:

1. Проанализировать социально-политический и духовно-культурный контекст, в котором формировались нравственно - философские взгляды и социальные позиции писателя.

2. Исследовать ключевую проблему нравственно - философских взглядов, выразившихся в стремлении определить место и роль человека в мироздании, его предназначение, смысл жизни.

3. Раскрыть содержание религиозно - философского наследия.

4. Исследовать лесковскую концепцию православной культуры.

5. Определить место творчества Лескова в истории развития нравственно - философской мысли.

Научная новизна исследования заключается в :

- предпринята попытка рассмотрения нравственных и философско-религиозных воззрений Лескова;

- осуществлено исследование эволюции нравственных и религиозно - философских воззрений;

- выявлено своеобразие решения проблемы вселенского и национального в нравственно - философском сознании;
- показано философское значение категории «праведничество» в концепции православной культуры;
- установлен особый тип литературной позиции Лескова как писателя, органически соединившего в творчестве светское и духовное начала;
- осуществлен анализ значения категорий добра и зла в нравственно - философском сознании писателя;

Методологическую основу диссертационного исследования составляют труды российских ученых - В. Н. Азбукина, О. В. Анкудиновой, Л. А. Аннинского, В. В. Богданова, А. Л. Волынской, И. П. Видуэцкой, А. А. Горелова, Л. П. Гроссмана, Г. Б. Курляндской, М. Л. Кучерской, Д. С. Лихачева, Н. Н. Старыгиной, И. В. Столяровой и др., а также труды Президента РУз Мирзиева Ш. М.

Следует отметить глубинный подход В. Ю. Троицкого к изучению особенностей отражения пафоса русской жизни в художественном творчестве писателя, который дал основание для определения важнейших путей и принципов освоения творчества Лескова.

Методы исследования. В работе использованы методы историко-сопоставительного, историко-типологического, историко-функционального, структурно-поэтического, биографического и традиционно-литературоведческого характера (анализ, синтез).

Основные положения, выносимые на защиту:

- духовные начала художественного мира, созданного Лесковым, во многом определяются его религиозно-нравственной позицией, которая вырабатывалась писателем в процессе «искания Истины Христовой»;
- художественные произведения писателя одухотворяются православной верой и русским православным подвижничеством;
- не уходя от Православной Церкви, испытывал к ней глубокую внутреннюю приязнь, писатель в то же время иногда отклонялся от нее,

именуя себя «смирненным ересиархом», в этом заключаются его «борения», «колебания». Так, выработанную им идею «истинного христианства» Лесков понимал как воплощение в реальной жизни максимального приближения к Христу вне церковных учений;

- в своем позднем творчестве писатель на новом духовном и эстетическом уровне подводит итоги темам и проблемам, ко которые он разрабатывал в течении всего писательского пути;

- последний период творчества писателя знаменует окончательное формирование художественного дарования писателя, умевшего за зримой предметностью увидеть и показать черты духовного мира, духовной жизни, духовных прозрений;

- нравственно-философские и религиозные раздумья Лескова во многом обуславливают его эстетическое новаторство.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее результаты расширяют представление о нравственных и религиозно-философских мотивах русской литературы XIX века, а также открывают новые перспективы для изучения творчества Н. С. Лескова, как в аспекте этих связей, так и в отношении художественной специфики творчества писателя в целом.

Практическая значимость результатов исследования. Содержание и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в вузовском преподавании – в общих курсах истории русской литературы, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам изучения творчества Лескова; опыт интерпретации возможно применять в практике комментирования текстов Лескова и его творческой биографии.

Материалы исследования могут быть полезны теоретикам и практикам, занимающимся проблемами лесковедения.

Апробация работы. Отдельные разделы работы были представлены на научных семинарах кафедры русской и зарубежной литературы СамГУ и в

качестве докладов на научно-методических конференциях магистрантов 2017 - 2018 годов.

Основные положения работы были опубликованы в трех статьях :

1. Нравственные коллизии и их решения в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Материалы междунауч. научно-исслед. конф. Воронеж : ВГПУ, 2017. – 125-129 с.
2. Русские характеры на инонациональном фоне в прозе Н. С. Лескова // Материалы 4-Республ. науч. конф. Наманган : НамГУ, 2017. – 79-82 с.
3. Социальный пафос поздних рассказов Н. С. Лескова // Материалы республиканской науч.-практ. конф. Карши : КаршиГУ, 2017. – 138-141 с.

Структура диссертации. Структура магистерской диссертации обусловлена поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, разбитых на разделы и заключения. К работе приложен список использованной литературы, насчитывающий 140 названий, включая интернет сайты. Общий объем - 106 страниц.

Во введении обосновываются выбор темы диссертации, ее актуальность, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту, характеризуются источники и методы исследования, представлена апробация практических результатов, степень изученности данной темы и методы анализа работы.

В первой главе исследования «Нравственные коллизии и их решение в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда»» рассматриваются проблемы :

- 1.1. Деградация личности в повести «Леди Макбет Мценского уезда».
- 1.2. «Шекспировский текст» в творчестве писателя.

Глава представлена в виде анализа произведения «Леди Макбет Мценского уезда» в контексте нравственных «поисков» автора;

Отмечена большая роль реминисценции и прецедентного текста в организации художественного сюжета повести.

Во второй главе «Религиозно – философские мотивы Н. С. Лескова» исследуются проблемы :

2.1. Христианские постулаты и их решение в творчестве писателя.

2.2. Секты в произведениях : духоборчество и молоканство.

2.3. Иконография : различия в изображении Христа православными и католиками в рассказе «На краю света». «Адописные» иконы «Запечатленного ангела».

2.4. Цветообозначение, символика чисел, особенность ритуальной пищи в произведениях.

В главе рассматриваются причины противоречивости автора в конфессиональных вопросах;

Отмечен большой интерес Лескова к представителям расколосектантства;

Проанализированы различия в изображении Иисуса Христа представителями разных отводов христианства;

Рассмотрен «скрытый подтекст» деталей : цветообозначение, символика чисел, особенность ритуальной пищи.

В третьей главе «Позднее творчество Н. С. Лескова» исследуются проблемы :

3.1. Диалог «старого» и «нового» в хронике «Соборяне».

3.2. Социальный пафос поздних рассказов.

В главе анализируется проблема идеала в художественном сознании писателя, а также процесс нравственной деградации самых разных слоев общества.

В заключении даются выводы о нравственно и религиозно – философских основах творчества Н. С. Лескова в контексте философских и общественно-политических идей России XIX века на основе анализа его художественных и публицистических произведений.

Сделаны выводы о социально-философских, религиозных и нравственно-этических основы мироощущения и миропонимания писателя, нашедших отражение в его творческом наследии.

Список использованной литературы содержит основную художественную и критическую литературу по теме исследования. В список включены новые издания и интернет сайты.

ГЛАВА 1. ПРАВСТВЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ И ИХ РЕШЕНИЕ В ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА»

1.1. Деградация личности в повести «Леди Макбет Мценского уезда»

В творчестве Н. С. Лескова тема личности, освобожденная от сословных уз, имеет необычайно важное значение. Само возникновение этой проблемы писатель связывал непосредственно с социальными процессами, полагая, что именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личностного достоинства. Писатель художественно проиллюстрировал крушение патриархального уклада российского купеческого общества XIX века. Вступление страны на путь капиталистического развития обострило множество проблем, в том числе проблему роли женщины в обществе.

Женская эмансипация породила новые семейные ценности, новый жизненный уклад, вылившийся в отвержение Церкви и нигилизм. Роль женщины больше не состояла в служении мужу и детям, сохранении домашнего очага, теперь женщина наравне с мужчиной отдавала предпочтение умственному совершенствованию. Нигилистки пренебрегали общественным мнением, вели себя с мужчиной на равных, отвергали правила этикета.

Оригинальное лесковское решение важных для эпохи социальных проблем ярко проявилось в его романе «Житие одной бабы», который получил свое продолжение в произведении «Леди Макбет Мценского уезда».

В очерке представлен традиционный для русской литературы любовный треугольник : пожилой муж – молодая жена – любовник. Данная тема не раз находила свое освещение в произведениях великих писателей. В «Леди Макбет Мценского уезда» духовная измена Дарьи Николаевны Бизюкиной из «Соборян» противопоставлена плотской измене Катерины Львовны Измайловой - главной героини очерка.

Нигилистическое «затуманивание» женского ума не обошло стороной и купчиху Катерину Львовну, которую грех прелюбодеяния толкает на

хладнокровные убийства. Христианская конфессия требовала соблюдения строгой морали, законность связи между мужчиной и женщиной признавалось только в браке. Внесемейные связи расценивались как разврат - один из самых страшных грехов. Измайлова, нарушившая все религиозные и моральные запреты, получает прозвище шекспировского прототипа «Макбет», очень популярного западного образа XIX столетия, олицетворявшего абсолютное зло, которое не поддается объяснению ни с личностной, ни с моральной точки зрения.

Нравственная пустота семьи Измайловых, членом которой позже становится и сама Катерина, наглядно отражается в убранстве их дома. Верующие христиане обустроивали жилище подобно храму, развешивали в комнатах иконы, зажигали лампы, читали молитвы. Вся религиозная атрибутика Измайловых несла лишь поверхностный, формальный характер, духовная жизнь в ней отсутствовала. Кроме трудов киевского патерика книг в доме не водилось, что также говорит о духовном нищенстве домочадцев. Выданная не по любви замуж, уставшая от скуки и одиночества от которой «весело, говорят, даже удавиться»⁷ Катерина Львовна, выросшая в большой семье и на воле, переживает морально – личностное разрушение, находясь в заточении собственного дома, который представляется ей тюрьмой.

Трагедия молодой купеческой жены полностью предопределена прочно сложившимся и неуклонно регламентирующим жизнь личности бытовым укладом купеческой среды. Драматизм основной ситуации и здесь состоит в том, что доведенный до логического предела, до крайности бытовой канон сам себя взрывает.

Героиня повести Лескова явственно противопоставлена автором Катерине Кабановой из «Грозы» Островского. Героиня Екатерина из драмы Островского не сливается с бытом, ее характер находится в резком контрасте со сложившимися житейскими навыками. Кабанихе приходится постоянно

⁷ Лесков Н.С. Собр. соч. в 12 т. Т. 5. М.: Правда, 1989. – 248 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома - римской и страниц - арабскими цифрами.

учить Катерину, как ей следует себя вести в том или ином случае, и скорбно удивляется тому, что ничего из поучений не получается – никак этот характер под купеческую гребенку не подстричь. Все у Катерины Кабановой получается не так, не случайно по описанию Борисом ее поведения в Церкви Кудряш мгновенно угадывает о ком идет речь.

По описанию поведения Катерины Измайловой никто и ни при каких обстоятельствах не определил бы, о какой именно молодой купчихе рассказывается. Рисунок ее образа – бытовой шаблон, но шаблон, прочерченный до того густой краской, что он превращается в своеобразный трагический лубок. Катерина Кабанова – явление в своей среде инородное, луч света, пробившийся извне и озаривший на мгновение всю неприглядность темного царства, засвидетельствовавший полную обреченность этого царства. Тот разряд молнии, который принес гибель Катерине Измайловой, родился в темных густых недрах самой этой среды. Этот разряд молнии вызван любовью. Любовь эта вспыхнула мгновенно и сразу же стала непреодолимой. Жертва общественного строя Катерина Измайлова обнаруживает в супружеской измене единственное доступное поле действия, которое может избавить от угнетающей скуки.

Конфликтная ситуация в произведении строится вокруг молодого любовника Измайловой красавца Сергея. Ради сохранения своего социального положения и своей любви купчиха идет на поступок, по своим очертаниям шаблонный до предела : вступает в действие яд в традиционных грибах, покушав которых занедужил и отправился на тот свет глава семьи, свекор Измайлов. Распад сословной жизни ярче всего сказывается в том, что чем тщательнее старается Катерина выполнить бытовой ритуал поведения, тем более жутким он выглядит, и с тем большей силой он обрушивается на нее саму. Позже, купчиха подсыпает яд в чай к мужу. Своими деяниями она отстраняет от себя не только супруга, но и любовника, который в завершении очерка «воспыляет» к Катерине ненавистью, говоря, что стоптанный Сонеткин башмак ему милее, чем рожа кошки этой ободранной (о Катерине),

заодно припоминая, как они лютой смертью с бела света людей спроваживали.

Для купчихи характерно подражание поступкам мужчин, которое проявляется в сцене, когда Катерина вызывает Сергея на сражение. Молодая купеческая жена, проходя по двору, среди балагурящих приказчиков видит новичка – наиболее острословного, лакейски вылащенного. Возникает диалог переходящий сразу же в любовное состязание. Любовное состязание Насти и Степана в «Житие одной бабы» разворачивалось в песне, так как сами эти герои были людьми, в условиях распада старых социальных условий сохранявшими человеческую душу. Любовное состязание Катерины и приказчика Сергея состоит в том, что оно меряется в силе – сначала на кулачках, потом в «наборки». Это же мужское начало Катерины заставляет любовника страстно обнимать и целовать ее. В литературе XIX века, половое желание рассматривалось как исключительно мужская черта, у женщин этот «синдром» воспринимался как патология. После встречи Сергея Катерина Львовна будто сошла с ума, ее обуяли страсть и вожделение. Ее «больная любовь» перешла за все рамки не только приличия, но и человеческого рассудка.

В любовных сценах Катерину неотвязно преследует жирный кот, появляющийся далее и наяву в качестве свидетеля любовной радости. Любовные диалоги Насти и Степана строились как разбитая на реплики народная песня. Любовные диалоги Измайловой и Сергея воспринимаются как иронически стилизованные надписи к лубочным картинам. Все движение этой любовной ситуации есть как бы сгущенный до ужаса шаблон – молодая купчиха изменяет старому мужу с приказчиком. Не шаблонны только итоги.

Охваченная сильными чувствами, Настя хотела скрыться со своей любовью, уйти от сословных рамок. Ее настиг крепостнический строй и расправился самым отвратительным образом. Катерина Кабанова оказалась не в силах прятать свою любовь, как это предусматривалось бытовой

«моралью» социальной среды : ее прямая и чистая натура вынуждает бросить правду прямо в лицо наиболее типическим представителям сословия.

В то время как Катерина Измайлова, в которой типический для среды способ любовного поведения сгущен, доведен до крайнего выражения, никуда не убегает, а хочет спрятать свою непомерно разросшуюся страсть, заполнившую все ее существо, оставаясь в рамках сословия.

Главной причиной грехопадения героини своего очерка Лесков считает отклонение от Церкви, которая является сосредоточением нравственной непорочности и чистоты. Библейские мотивы не раз встречаются на страницах этого произведения. Одной из центральных сцен стало объяснение любовников в весеннем саду под цветущей яблонью. Данное дерево выбрано автором не случайно, писатель как бы намекает на скрытый символический подтекст : «... Посмотри, Сережа, рай – то, рай – то какой! - воскликнула Катерина Львовна, смотря сквозь покрывающие ее густые ветви цветущей яблони на чистое голубое небо, на котором стоял полный погожий месяц» [V, 258]. Здесь, Николай Лесков дает прямой намек на евангельскую сцену, когда змей – искушитель соблазняет Еву запретным плодом в райском саду. В очерке цветущая яблоня становится своего рода участницей грехопадения Катерины Львовны, соблазненной красавцем Сергеем, который не брезгует ради достижения своей цели, манипулировать Катериной, обещая совершить с ней обряд венчания, чтобы перед святым предвечным храмом мужем ей быть.

Любовники совершают одно убийство за другим, писатель демонстрирует вхождение в сферу зла согласно религиозному мировоззрению, по которому злодеяния как снежный ком постоянно расширяются и увеличиваются. Жуть происходящего в том, что механически повторяемое с автоматической последовательностью убийство все более и более обнаруживает полное отсутствие моральных барьеров у героини. Сословная традиционная мораль есть полная аморальность.

Муж купчихи Зиновий Борисыч, понимая, что смерть близка, просит позвать к нему попа, чтобы исповедоваться, на что Катерина Львовна еще сильнее сдавливая горло мужа, злорадно отвечает отказом. Зиновий Борисович, в отличие от своих убийц, вспоминает о религиозном ритуальном обряде последней исповеди, в то время как любовники нагло отвергают все православные каноны. Лесков использует в произведении символ «пятна», который, который Вильям Шекспир интерпретировал как угрызение совести. Катерина Львовна без особого труда стирает пятно крови убитого супруга, что говорит об отсутствии чувства вины – «ни Бога, ни совести, ни глаз людских не боится» [V, 270].

Религиозные мотивы присутствуют и в сцене убийства племянника Зиновия Борисыча Феде, из уст которого было несколько раз произнесено о важности жизни во Христе. Удушение ни в чем не повинного ребенка – кульминация драмы, катастрофа. Резкий поворот действия, композиционный слом осуществлен в той же форме, что и в «крестьянском романе», то есть происходит в ином виде то же самое, что произошло с Настей : общество вмешалось в тот самый момент, когда героине кажется, что она полностью освободилась от назойливых сословных установок и норм. Показательна сама форма общественного вмешательства – преступление раскрыто до жути традиционно, косным, патриархально бесцеремонным вмешательством в жизнь личности.

Автор закладывает мысль, что побороть зло способна только церковь, у Лескова она выступает нравственным мерилем и хранителем моральных ценностей, неслучайно убийц разоблачает народ, возвращающийся после праздничной службы. Измайлова не выполняет характерного для среды бытового ритуала – не ходит в Церковь, это провоцирует зевак подглядывать в оконную щелку в самый момент убийства. Причем под народом писатель подразумевает и самого Христа, который обрушил гнев на грешников, любовникам кажется, что весь дом загудел и задрожал, какие – то неземные силы колыхали дом до основания.

Автор заставляет своих героев признать вину юридически. Но не следователь, а священник добивается признательных показаний Сергея, предупреждая о Страшном суде и наказании нераскаявшимся. Однако раскаяние убийцы не влечет за собой духовного очищения, так как свидетельствует скорее о его страхе перед последствиями содеянного, чем о искреннем сожалении.

Социальное наказание любовников – убийц проявляется в публичном наказании и арестантской жизни героев. А религиозно – духовное – в проклинании своей прошлой и настоящей жизни Сергеем и душевными страданиями из – за измены любимого для Катерины.

Любовь Сергея и купчихи весьма отличается друг от друга. Сергей – расчетливый, хитрый хищник, ищущий «теплое местечко», ради достижения своей цели не брезгающий признанием в несуществующей любви. Катерина же весьма прямодушна, открыта, даже немного примитивна, можно сказать, что ее любовь имела скорее биологическое начало.

Измайлова в остроге узнает что беременна, однако это новость вызывает у женщины чувство безразличия и даже злобы. Она видит в ребенке виновника разлуки с Сергеем, так как попадает в больницу. У Катерины, как и у большинства страстных женщин, любовь, испытываемая к мужчине, не распространяется на совместное чадо.

Однако автор показывает героиню и с другой стороны, ни как злостную грешницу, а как лицо трагическое, над которым долго и изошренно издевался любовник. Купчиха испытывала невероятную боль и страдания из – за измены, весь ее мир рухнул, без любви Сержечки ей незачем было жить. Личность Катерины Кабановой не могла быть унижена в любви, Борис для нее был лучом света в темном царстве. Сергей же, стремившийся стать купцом, при развале всего задуманного оказывается гнусным духовным лекарем. Последнее тяжкое оскорбление наносит непоправимый урон личности героини, сосредоточению ее духовного мира – любви. Сергей на глазах у Катерины стал страстно целовать свою новую «подругу» Сонетку,

это окончательно потопило плот надежды в сердце Измайловой, она решается на отчаянный поступок.

Для финальной сцены характерна разрушительная семантика воды, которая отсылает к мифу о потопе, очищающем землю от человеческих грехов. Лесков разрушает новообразовавшийся любовный треугольник Катерина – Сергей – Сонетка. Купчиха в отчаянии топит в волнах Волги и себя и соперницу, автор не оставляет в душе героини места для покаяния. Бог оставляет ее насовсем, Катерина хочет произнести спасительную молитву, но уже не может.

Буйство Измайловой – другая форма проявления той же социальной закономерности, что и смирение, покорность Насти. Оно свидетельствует о гибели, внутреннем распаде старой, крепостнической общественной структуры. Причину появления такого рода персонажей Лесков связывает с непомерной властью денег, отклонением от религиозных канонов и разрушением традиционных представлений о семейно – бытовом строе, что влечет за собой моральную деградацию, развращение, духовное нищенство, вследствие чего появление насилия.

В русской литературе появляется новый тип персонажа – одержимая плотской страстью женщина, находящаяся во власти «темного», и одновременно составляющую с ней единое целое. Лесков противопоставляет в своих произведениях духовную любовь и любовь физическую. С одной стороны, очерк продемонстрировал нам примитивную маргинальную личность, с другой, показал «темную» сторону сексуальности.

1.2. «Шекспировский текст» в творчестве писателя.

Современное литературоведение уделяет большое внимание изучению прецедентных текстов. «Прецедентный текст – сознательно отобранный текст, который рассматривается как общеизвестный в конкретной речевой культуре и который допускает в этой связи особые формы его

использования»⁸. К прецедентному тексту относятся не только цитаты из художественных произведений, но и имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека, а в качестве некоего символа характеризующего свойства присущие данной личности или событий связанных с ней.

По мнению Ю. Н. Караулова, обращение к прецедентным текстам помогает выявить его основную проблематику, ключевые конфликты, приемы построения художественных образов, особенности композиции и пути ее воздействия на читателей⁹.

Для русских писателей У. Шекспир был некой вехой английской литературы. К творчеству поэта – драматурга обращались А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и многие другие. Однако именно у Лескова обнаруживаются более обширные и разнообразные межтекстовые связи с произведениями англоязычного литератора.

Генрих Шульц из «Островитян», хваля актера Самойлова, цитирует слова Шекспировского короля Лира : «... Да-с, да, Самойлов! Что может сравниться, я говорю, когда он произносит это, знаете: «о, защитите нас, святые силы неба!» О, я вам скажу, это не шутка-с!» [III, 321]. Данная цитата несет в себе определенную смысловую нагрузку, а именно, усиливает передачу восторженных эмоций героя.

Лесков часто использует цитаты из «Гамлета». В произведении «Интересные мужчины», речь Августа Матвеича во время предсказания судьбы Саше, очень схожа с монологом Гамлета «быть или не быть», которая является своего рода предвестником дальнейших трагических событий в жизни героя рассказа : «...предстоит свершить «великий шаг в страну, откуда путник к нам еще не возвращался» [VII, 356].

Шекспировская «привычка – чудовище» встречается на страницах произведения «Владычный суд», повествующей о насильно –

⁸ <http://ru.m.wikipedia.org>

⁹ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. - 235 с.

принудительной сдаче еврейских детей - подростков в солдаты. В «Павлине» она проявляется в сцене сбора денег с жильцов, не имеющих возможности платить.

В «Белом Орле» описываемая губернатором будущая превосходная игра Ивана Петровича : «...Никакого столбнякового ужаса, ни ломки, ни кривляний, но вы увидите лицо, которое знает то, что не снилось мудрецам» [V, 451], очень схожа с цитатой Гамлета, посвященной объяснению появления призрака убитого отца, которое он охарактеризовал как поразительное сверхъестественное явление.

В романе «Некуда» образ Гамлета выступает в роли метафоры : «...наш медицинский Гамлет всегда мрачен...» [IV, 76]; «...А ты, Гамлет, весь день молчал и то заговорил...» [IV, 233].

В плаче Иды Норк из «Островитян», невооруженным глазом узнается шекспировская героиня Корделия из «Короля Лира». Также это произведение упоминается в рассказе «Смех и горе» : «...думаю, как король Лир думал в своем помешательстве...» [V, 49]. Рассказ отсылает нас и к шекспировской пьесе «Макбет» : «Она, бедняга, даже ночью, как леди Макбет, по губернаторскому дому все ходила да стонала: «...Кровь на нас, кровь!..» [V, 147]. Образ Отелло передает «Колыванский муж» : «...опять я, как оный венецианский мавр, рассказываю что-то...» [V, 364].

Лесков также использовал цитаты из шекспировских пьес для эпиграфов к своим рассказам и повестям. Эпиграфом к повести «Детские годы» стала цитата из шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь» : «Предчувствуя, что скоро будет свет, спешат толпой блуждающие тени»¹⁰. Данная фраза отображает внутреннее смятение главного героя Меркулы Праотцева находящегося на пороге смерти.

Эпиграфом к рассказу «Котин доилец и Платонида» послужила фраза Флавия из «Тимона Афинского» : «Изломанная утварь разрушенного дома»¹¹,

¹⁰ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. Т 5. М.: ГИХЛ, 1978. - 205 с.

¹¹ Там же, 222 с.

которая «напророчествовала» трагическую судьбу семье купца Семена Деева.

Но больше всего прецедентный текст, или так называемая реминисценция («реминисценция – отголосок, отражение влияния чьего-нибудь творчества в художественном произведении»)¹², проявила себя в произведении Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Уже само заглавие очерка отсылает читателей к английскому прототипу. К данному типу заглавий «с усложненной семантикой» исследователь А. В. Ламзина относит «заглавия - символы, аллюзии, метафоры, цитаты»¹³.

Название очерка указывает на место действия сюжета - Мценский уезд, а прозвище главной героини - Леди Макбет, заимствованное у шекспировского прототипа, отражает отношение писателя к данной личности, дает негативную характеристику персонажу. Лесков в своем очерке как бы сопоставляет образ главной героини Катерины Львовны Измайловой с Макбет. Хотя трагедия названа в честь главного героя короля Макбета, ведущую роль в ней играет женщина – леди Макбет, именно ее имя становится нарицательным.

Героинь отделяет друг от друга время, место и сословная принадлежность - королевская знать и провинциальное купечество, однако они являются своего рода зеркальным отражением друг друга. У У. Шекспира Макбет – сконцентрированное выражение зла, которое только может овладеть человеческим существом, это же свойство природы в равной степени присуще и Катерине Измайловой, различны лишь мотивы преступлений.

Эпиграф повести : «Первую песенку зардевшись спеть» [V, 247], вводит читателей в тему любви, именно из - за страсти к мужчине Измайлова идет на совершение убийств. В то время как мотивом для преступления

¹² <http://ru.m.wikipedia.org>

¹³ Ламзина А.В. Поэтика заглавий в художественном мире Е. Пермяка // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. ст. по матер. XXVIII междунар. науч.-практ. конф. №9 (28). – Новосибирск: СибАк, 2013. – 69 с.

шекспировской героини служит лишь корысть - жажда овладения королевской короной. Однако мотив последнего преступления купчихи очень близок к Макбетовской, где целью явилось наследование, в случае с Макбет - трона, а в случае Катерины – богатства и купеческого звания.

В текстах обнаруживаются многочисленные параллели, особенно это проявляется в сюжетном сходстве, в основе двух произведений лежит цепь убийств и кровавая развязка. Трагедию и очерк объединяют мотив крови, холода, ночи – как времени для убийств, призраки, являющиеся своим мучителям, и народ как источник правосудия.

После очередного преступления леди Макбет велит своему мужу смыть «доказательства» с рук, воплощая в жизнь, задуманный супругами коварный план, Макбет сама пачкает кровью лица слуг, чтобы отвести от супруга подозрение. В финале пьесы уже душевнобольная героиня все время трет об себя руки как бы пытаясь стереть «проклятые пятна». Тема пятен присутствуют и в «Леди Макбет Мценского уезда», в сцене, где Катерина Львовна пытается замыть кровавое пятно оставленное Зиновием Борисычем на полу своей спальни.

Примечательно, что оба писателя избрали именно ночь временем для убийств. Как в шекспировской трагедии смерть забирает короля Дункана ночью, так и у Лескова, злодеяния любовников происходят под покровом тьмы. Каждое новое преступление героев хладнокровнее предыдущего и совершается в нарастающей прогрессии – свекор, муж, ребенок.

Кульминационным моментов произведений становится убийство. Как и в очерке Лескова, предел злодеяниям в «Макбет» наступает тогда, когда герои решаются на преступление против ни в чем неповинных детей.

Особую значимость в художественных текстах приобретает мотив приведения, который является неким символом неизбежной расплаты за преступления, он же олицетворяет важнейшие нравственные категории, связанные с преступлением и наказанием. Макбету единожды является

призрак Банко, Катерину Львовну убиенные преследуют на протяжении всего произведения.

Накануне убийства своего мужа Измайлова видит призрак отравленного главы семейства Бориса Тимофеича, который является к ней в образе кота с головой человека. Примечательно, что образ кота встречается и на страницах шекспировской трагедии, где коты были служителями ведьм, предвещавших Макбету власть ценой убийств. Призраки являются к Катерине Львовне и в финале очерка перед самоубийством, в холодных волнах Волги ей чудится синяя голова Бориса Тимофеича и муж, обнимающий поникшего головой Федю.

У Лескова появление приведений неразрывно связано с темой тумана или сна. Борис Тимофеич «навещает» невестку во сне, а в финале появляется уже с сыном и Федей из окутанных плотным туманом речных волн. В шекспировской пьесе также был использован мотив сна, леди Макбет бродила во сне мучимая совестью.

Неудавшаяся молитва, появляющаяся в очерке, как и в «Макбете» Шекспира, по сути, является еще одной реминисценцией Лескова. Катерина Львовна вместо спасительной молитвы, выносит себе приговор, перечисляя онемевшими губами совершенные грехи и преступления.

Мотив холода, встречающийся в текстах, всегда связан с приближающейся бедой. В обоих случаях холод - реакция убийц на преступления или его последствия. Так, в шекспировской трагедии после того, как уносят сошедшую с ума леди Макбет, Банко восклицает:

«Надо бы одеться,
А то мы все от холода дрожим,
А после соберемся и подробно
Расследуем убийство до конца»¹⁴.

В финале «Леди Макбет Мценского уезда» «холод» играет особенно важную роль. Катерина пытавшаяся вернуть любовь Сергея, отдает ему свои

¹⁴ Шекспир У. Макбет / Пер. Б. Пастернака. Сонеты. М.: Правда, 1987. - 114 с.

последние шерстяные чулки, а на другой «холодный, ненастный день с порывистым ветром и дождем, перемешанным со снегом» [V, 285], она видит их на сопернице. Здесь уже холод физический переходит в душевный озноб. Именно «холод» разрушает все иллюзии Измайловой и подводит к трагическому концу.

Лесковский образ главной героини куда сложнее шекспировской Макбет, действиям которой нет оправдания, в то время как Измайлова олицетворение хладнокровной убийцы и преданной жертвы в одном лице, поэтому отношение к этому художественному персонажу весьма неоднозначное.

Для характеристики Леди Макбет наиболее важна начальная сцена пьесы, повествующая о союзе с нечистой силой. А для анализа образа Катерины Львовны показательна сцена убийства мальчика Федора.

Героинь объединяет целеустремленность, непоколебимость и решительность характера, что больше свойственно мужской натуре. Однако если шекспировская героиня умна и расчетлива, то русский ее протопит, спонтанен и примитивен. Леди Макбет совершает преступления руками своего мужа, в то время как Измайлова берет на себя грех убийства.

Макбет руководствуется только корыстным расчетом, а купчиху предстоящий раздел имущества волнует менее всего : «Да неш мне это, Сережечка, нужно?» [V, 271]. Именно Сергей внушает Катерине мысль о необходимости материального имущества, так как только при условии его наличия он видит их счастливую совместную жизнь. В шекспировской пьесе Макбет подстрекает своего мужа совершить череду преступлений, в которых он убивает своих соперников, претендентов на трон короля, в лесковском очерке эту роль выполняет Сергей. Следует отметить, что женские образы произведений по характеру намного сильнее мужских.

Измайлова как и леди Макбет гибнет под тяжестью совершенных преступлений. Но, «убивают» своих героинь авторы произведений по-

разному, если Шекспир внесценически губит Макбет душевной болезнью – сводит ее с ума, то Лесков вполне реально топит купчиху в волнах Волги.

Сдует отметить, что и Лесков и Шекспир подчеркивают противоестественность происходящего. Вспоминая о своей работе над очерком, Лесков писал, что ему становилось временами невыносимо жутко, волос поднимался дыбом, он застывал при малейшем шорохе, который производил сам движением ноги или поворотом шеи. Это были тяжелые минуты, которых ему не забыть никогда. С тех пор он старался избегать описания таких ужасов [V, 495]. Действительно, главные герои рассказов и повестей писателя – праведники, «Леди Макбет Мценского уезда» стоит особняком в художественном творчестве Лескова.

Подытожив вышесказанное, можно сказать, что прецедентный тест наряду с реминисценцией играет важную роль в организации лесковского сюжета. Благодаря их использованию и сопоставлению с собственными персонажами, автор создает целостные образы, которые наделяются яркими отличительными чертами, они легко узнаваемыми и хорошо понятными широкому кругу читателей. Выбор того или иного прецедентного текста передает собственную авторскую позицию, а также является центральным звеном в формировании характера героев.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В творчестве Н. С. Лескова тема личности, освобожденная от сословных уз, имеет необычайно важное значение. Само возникновение этой проблемы писатель связывал непосредственно с социальными процессами, полагая, что именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личностного достоинства.

Оригинальное лесковское решение важных для эпохи социальных проблем ярко проявилось в его очерке «Леди Макбет Мценского уезда», где образ героини можно рассматривать с точки зрения трагических последствий из – за отсутствия у «новой» женщины представления о границах дозволенного.

В русской литературе появляется новый тип персонажа – одержимая плотской страстью женщина, находящаяся во власти «темного», и одновременно составляющую с ней единое целое. Причину появления такого рода персонажей Лесков связывает с непомерной властью денег, отклонением от религиозных канонов и разрушением традиционных представлений о семейно – бытовом строе, что влечет за собой моральную деградацию, развращение, духовное нищенство, вследствие чего появление насилия.

Немаловажную роль в организации художественных сюжетов Лескова играет реминисценция и прецедентный текст. У Лескова обнаруживаются обширные и разнообразные межтекстовые связи с произведениями английского драматурга У. Шекспира. Благодаря использованию реминисценции, автор создает целостные образы, которые наделяются яркими отличительными чертами, они легко узнаваемыми и хорошо понятными широкому кругу читателей. Выбор того или иного прецедентного текста передает собственную авторскую позицию и является центральным звеном в формировании характера героев Лескова.

ГЛАВА 2. РЕЛИГИОЗНО – ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ Н. С. ЛЕСКОВА.

2.1. Христианские постулаты и их решение в творчестве писателя.

«Тайна» феномена религиозных взглядов Лескова, значительно отличающихся от его современников и коллег, раскрывается в его автобиографических сочинениях. Писатель по-своему интерпретировал христианскую религию, во многом его суждения идут вразрез с общепринятыми понятиями о православной конфессии. Н. С. Лесков стал первым, кто попытался осмыслить проблему бытия церкви через изображение внутреннего бытового её существования.

«Матушка была религиозна, но чисто церковным образом – она читала дома акафисты и каждое первое число служила молебны и наблюдала, какие это имеет последствия в обстоятельствах жизни. <...> Отец ей не мешал верить, как она хочет, но сам ездил в церковь редко и не исполнял никаких обрядов, кроме исповеди и святого причастия, о котором я, однако, знал, что он думал. Кажется, что он “творил сие в его (Христа) воспоминание”. Ко всем прочим обрядам он относился с нетерпеливостью и, умирая, завещал “не служить по нему панихид”. Вообще он не верил в адвокатуру ни живых, ни умерших и, при желании матери ездить на поклонение чудотворным иконам и мощам, относился ко всему этому пренебрежительно. Чудес не любил и разговоры о них считал пустыми и вредными, но подолгу маливался ночью перед греческого письма иконою Спаса Нерукотворенного и, гуляя, любил петь: “Помощник и покровитель” и “Волною морскою”. Он несомненно был верующий и христианин, но если бы его взять поэкзаменовать по катехизису Филарета, то едва ли можно было его признать православным, и он, я думаю, этого бы не испугался и не стал бы оспаривать» [XII,435]. «Плоды» влияния, оказанные отцом на взгляды Лескова, пронизывают все творчество писателя, а именно заставляют его отходить от традиционного понимания христианской религии.

Очень интересны мемуары критика П. Пильского о Николае Лескове, изложенные со слов его коллеги, критика А. Измайлова, писавшего некогда о Лескове. Пильский рассказывает, что Измайлов регулярно посещал уже очень немолодого Лескова, и однажды в минуту откровенности Николай Лесков, шутя, обратил внимание Измайлова на сделанное в скрещении кругленькое стеклышко, где была вставлена совершенно неприличная картинка. Далее, автор повествует нам о другом случае, что однажды, зайдя к Лескову, Измайлов увидел хозяина в неожиданном положении – Лесков стоял на коленях и отбивал поклоны. Заметив Измайлова, Лесков быстро оглянулся, заерзал по ковру и растерянно быстро заговорил, как бы оправдываясь, что у него оторвалась пуговица, и для вида стал шарить рукой по ковру, будто и в самом деле что-то искал.

Мы видим, совершенно противоречащие друг с другом крайности Лескова, с одной стороны, воплощение православной религиозности, горячая молитва на коленях перед образами, с другой – антихристианство и даже осквернение святого предмета. Это явление наблюдается и в творчестве писателя : от праведника Туберозова («Соборяне») к отцу N («Русское тайнобрачие»).

Немаловажное влияние на убеждения писателя оказала драма разыгравшаяся в семье Лесковых. Дед Николая Дмитрий был священником, и потому оба его сына, один из них отец Лескова, были отправлены в семинарию. Закончить учебу суждено было только одному сыну, другой был убит в драке, так как семинаристы привыкли решать проблемы силой и кулаком. Вернувшись из семинарии, Семен Дмитриевич, уже единственный сын отца Дмитрия, первым делом сообщил отцу, что отказывается идти в попы. Со слов Лескова, отец отказался идти в попы из-за неотвратимого отвращения к грязи. Сложно представить, что чувствует человек, на глазах которого убивают родного брата, да еще и в «божьей обители».

Семинаристов подвергали избиению розгами. Били за любые провинности и по любому поводу, заставляли старших избивали младших.

Это издевательство продолжалось до окончания семинарии. Христианство «в писании» и христианство «на практике» кардинально отличалось друг от друга. Идти в попы Семен Дмитриевич отказался. Для отца Дмитрия это стало крахом надежд, так как «семейное ремесло» передавалось из поколения в поколение. Дмитрий Лесков был человеком вспыльчивым, он немедленно выгнал нерадивого отпрыска из дома. Неудивительно, что рассказы отца сильно повлияли на мировоззрение Николая Лескова, нанесли психологическую травму. Нелюбовь к церковным служителям у отца, также нашла отражение в произведениях Лескова («Русское тайнобрачие»).

«Дикий» нрав семинаристов Лесков описывает в повести «На краю света» : «...Семинария была распущена, воспитанники пьянствовали и бесчинствовали. <...> Как придут новокрещенцы (из местных) в город, и видят все, что тут крещеные делают, и спрашивают : можно ли то во славу Христову делать? что им отвечать, владыко? христиане тут живут или нехристи? Сказать : нехристи – стыдно, назвать христианами – греха страшно» [1, 355].

Тема разномыслия пронизывает все творчество Николая Лескова. С раннего детства писателя окружали представители различных сектантских учений, позже, Лесков будет вспоминать, как тайком от родителей бегал на службы старообрядников. Поэтому, писатель хорошо знаком с их обычаями и посвятил в их честь ни одно произведение – «Запечатленный ангел», «Печерские антики» и др., они выдают в Лескове большую симпатию к сектантам.

Лесков интересовался не только старообрядцами, но и скопцами, молоканами, духоборами, штундистами, иудействующими. Штундская конфессия – протестантская, вызвала у Лескова значительно больший интерес, по сравнению с другими сектантскими учениями. Штундисты изучали Священное писание невзирая на сословную принадлежность, главная ценность - жить по заветам Евангелия, делать добрые дела :

практическое христианство. Учение штундистов было очень близко духу Лескова, он нашел в нем для себя то, что не смог найти в православном.

Писатель посвятил штундистам много своих произведений, где всячески им потворствовал. В рассказе «Некрещенный поп», Лесков высказывает мысль, что совершенно необязательно быть крещеным чтобы стать попом - проводником божьего духа. Таинство совершенно необязательно и множество примеров это наглядно демонстрирует. А «философствование» архиерея, есть ничто иное как попытка выйти из затруднительной ситуации.

Писатель выступает против ограничения правящей властью гражданских прав сектантов, считая, что Православие ими «должно быть принято добровольно». Писатель протестует против насилия в вере, так как считает, что «вера - свободный выбор каждого». Из-за неугодных взглядов, Лесков попал в немилость к официальной Церкви, видевшей в старообрядцах врагов – противников власти.

Очень выразительно автор демонстрирует свое отношение к старообрядцам в сцене «Печерских антиков» - приезд государя в Киев и крах надежд старовера Малахии : «— Так, батюшка, так! Вот этак вот, родненький, совершай! Сложи, как надо, два пальчика! Дай всей земле одно небесное исповедание. И в это время, как он кричал, горячие слёзы обильными ручьями лились по его покрытым седым мохом щекам и прятались в бороду... Волнение старца было так сильно, что он не выстоял на ногах, голос его оборвался, он зашатался и рухнул на лицо своё и замер... Можно бы подумать, что он даже умер, но тому мешала его правая рука, которую он всё-таки выправил, поднял кверху и все махал ею государю двуперстным сложением... Бедняк, очевидно, опасался, чтобы государь не ошибся, как надо показать «небесное исповедание». Я не могу передать, как это выходило трогательно! Во всю мою жизнь после этого я не видал серьёзного и сильного духом человека в положении более трагическом, восторженном и в то же время жалком» [XII, 302]. В этом отрывке из произведения, автором

продемонстрировано свое отношение к старообрядчеству, оно заключено в характеристике старика Малахии, Лесков называет его серьезным, сильным духом человеком, но трагическим и жалким.

«Выстраданное» отношение автора к христианству и Священному Писанию разоблачается в произведении «На краю света» - благодать Господня живет не только в сердце христианина, она присутствует даже больше в дикаре – тунгусе, спасшем жизнь архиерею. Это исповедь не только героя рассказа, это исповедь самого Лескова.

В тексте мы встречаем огромное количество различных источников, на которые он ссылается, это Книга Бытия, книга Исхода, книги ветхозаветных пророков, Евангелие, Откровение Иоанна Богослова, Деяния апостолов, а также он цитирует архиереев, проповедников, проповеди Кирилла Иерусалимского, Исаака Сирина, Тертуллиана, немецкого философа и мистика Карла Эккартсгаузена, античную и буддистскую мифологию, фольклор. В этом выражается идеологическое мировоззрение Лескова : «последней правды, вероятно, нет, ее могут «спеть» все только хором»¹⁵.

Но, самым любопытным является то, что Лесков упомянул в произведении Вергилия : «...подсказал моей памяти старый Вергилий, – и я поклонился у изголовья моего дикаря лицом донизу, и, став на колени, благословил его, и, покрыв его мерзлую голову своею полою, спал с ним рядом так, как бы я спал, обнявшись с пустынным ангелом» [I, 389]. Здесь автор ссылается на слова апостола Павла из Деяний апостольских о жертвеннике. Вергилий написал четвертую эклогу - предсказание рождения Христа, приход божественного младенца, который принесет спасение миру. Лесков не смущаясь облачает «дикаря» в Христа. Далее писатель называет своего спасителя «пустынным ангелом», удивительно что прототипом тунгуса здесь выступает Иоанн Креститель которого Иоанн Предтечи изображает в виде ангела в звериных шкурах.

¹⁵ См.: Кучерская М. Христианство в творчестве Лескова. Лекция. М.: Слово, Семинар от 24 ноября 2014 г. – 18 с.

Это подтверждается еще одной сценой, обратимся к тексту : «Опишу его вам как умею: ко мне плыла крылатая гигантская фигура, которая вся с головы до пят была облечена в хитон серебряной парчи и вся искрилась; на голове огромный, казалось, чуть ли не в сажень вышины, убор, который горел, как будто весь сплошь усыпан был бриллиантами или точно это цельная бриллиантовая митра...» [I, 388]. Митра – головной убор митрополита церкви, здесь идет явный намек на отождествление «жалкого» человека с лицом высшего духовного сана.

Примечателен и еще один момент, «могила» где был вынужден находится Архиерей с «смрадным» «пустынным ангелом», именуется им же «снежным гробом», что невольно заставляет нас сравнить дикаря с мертвым Лазарем, который, после окончания бури, воскрес, то есть – ожил.

Идеальный мир для Лескова – это мир «равноправия» разных культур, конфессий, взглядов. Есть только духовное начало в человеке, которое способно объединить людей разной национальности и вероисповедания. То есть, совершенно неважно, на каком языке говорит человек, к какой вере он принадлежит – Бог живет в каждом.

Взгляды Лескова на христианство продолжали меняться, писатель все больше отдаляется от церкви. В одном из писем к своему товарищу, послание датировано 1875 годом, он пишет, что его подергивает теперь написать о русском еретике - умном, начитанном и свободомыслящем духовном христианине, прошедшем все колебания ради искания истины Христовой и нашедшем ее только в одной душе своей. За год до смерти, Лесков признавался Толстому, что сейчас он не стал бы писать ничего подобного «Соборянам» или «Запечатленному ангелу», а с удовольствием взялся бы за «Записки расстриги». Но, писать на желаемую тему, Лесков так и не решился.

В середине 80-х годов автор пишет, что Бог есть, но не такой, которого выдумала корысть и глупость. В такого Бога если верить, то, конечно, лучше совсем не верить, Лесков восхваляет и возвышает Бога Сократа,

Диогена, Христа и апостола Павла, так как, по его мнению, их Бог с нами и в нас, Он близок и понятен, как автор актёру. Бог, которого выдумала корысть и глупость - это Бог в Православном христианстве. Православному Богу противопоставляется Бог Диогена, Христа, Сократа и Павла, якобы, они в отличие от Православных «трактовальщиков», понимали Бога куда более правильно, чем это делает нынешняя господствующая Церковь. После раздумий над кардинально разным восприятием учений Бога церковью и вышеуказанными личностями, Лесков отдает предпочтение последним, автора одолевают пессимистические настроения, приведшие в дальнейшем к полному отвержению церковных учений.

Решающее воздействие на религиозно – философские взгляды Лескова оказало самостоятельное прочтение Евангелия. В письме М. А. Протопопову, датированном 1891 годом, явно это подтверждается, автор пишет, что не знал, чей он, а «хорошо прочитанное Евангелие» ему это уяснило, он тотчас же вернулся к свободным чувствам и влечениям своего детства. Он блуждал и воротился, стал сам собою — тем, кто он есть. Автор просто заблуждался — не понимал, иногда подчинялся влиянию, и вообще — «не прочёл хорошо Евангелия». Вот, по его мнению, как и в чём его надо судить. Именно после прочтения Священного Писания Лесковым была обретена искомая истина, он ещё четче обозначил разделение между православной истиной и Церковью. Писатель сделал вывод, что можно совсем обойтись без церкви, так как спасение не в ней, а в возвышении самим человеком христианской морали. Нередко Лесков подмечал и изображал негодные стороны во всех явлениях действительности.

Писатель уходит от аксиомы – Христос есть истина, теперь он ищет истину материальную, которую можно «пощупать», эта идея воплощается в сборнике «Три праведника» (1886), куда были включены произведения «Очарованный странник» и «Левша». В галерею праведников также входят «Овцебык», «Однодум», «Легенда о совестном Даниле» и др.

Праведники в понимании Лескова мягко сказать, очень неоднозначны. Герой «Очарованного странника» убил трех людей, имел целый горем жен, бросил на произвол судьбы родных детей – отрекся от некрещенных. Здесь нельзя не сравнить Ивана Флягина с героем притчи о блудном сыне, так как его странствие начинается именно с бегства и дальнейших блужданий. Истина для Лескова в том, что не надо противиться судьбе. Флягину было предназначено стать духовным лицом, пытаясь убежать от неизбежного, он обрекает себя на долгие годы мучений и скитаний, а свободу он обретает только после того, как подчиняется промыслу.

Главный герой произведения «Легенда о совестном Даниле» также является убийцей человека. «Левша» имеет проблемы с алкоголем, проще сказать - пьяница. «Одnodума» не беспокоит прах бытия, он так истово служит истине, что в итоге «убивает» родную мать, лишив ее смысла жизни.

«Овцебык» человек очень сложной природы, ужиться с ним трудно, он поверхностен и глуп, хотя все в нем «строится», якобы, по Священному Писанию, все же, Евангелие он трактует на свой лад. Овцебык бросает родную мать и совершенно не интересуется ее судьбой. Самым большим его грехом становится самоубийство, которое идет вразрез со всеми известными религиозными догмами.

Именно на «неоднозначности» настаивает Лесков при разговоре о христианстве и праведниках. Действительно, отношение к героям – праведникам Лескова по меньшей мере неоднозначное, совершенно непонятно по каким критериям их нужно оценивать, так как на основании принятой цивилизованным обществом морали это невозможно.

Основная тема в творчестве Лескова – протест против формализма в понимании веры, против формализма церкви. Идея писателя заключается в том, что среди простого люда полно праведников, а у церкви, даже чудо, и то обман. Позже, недовольство церковью перешло в нелюбовь и к православной религии. Писатель прокомментировал это тем, что он любит живой дух веры,

а не направленскую риторику. По его мнению, это «рукоделие от безделья», и притом, на православный салтык.

С проявлением этой «нелюбви», в той или иной степени, мы сталкиваемся на страницах произведений : «Мелочи архиерейской жизни», «Епархиальный суд», «Архиерейские объезды», «Полунощники», «Русское тайнобрачие», «Бродяги духовного чина», «Святительские тени», «Заметки неизвестного», «Заячий ремиз» и т.д. Где из пороков замеченных Лесковым мы обнаруживаем корыстолюбие, трусость, лицемерие, тщеславие, а главное невежество и маловерие духовных лиц, склонных к доносам и склокам. Например, в «Записках неизвестного» церковные лица, настолько маловерны, что не заботятся не о духовном, не о душевном своем состоянии.

В своих взглядах Лесков близок к Л. Толстому, писатель старался подражать творчеству Льва Николаевича, но между ними было одно существенное отличие, Толстой оставался верен собственным убеждениям на протяжении всего творческого пути, в то время как Николая Семеновича «штормило», он несколько раз менял мнение в вопросе о роли церкви и Православия в жизни человека.

Лесков обвиняет церковь в грехе отдельных лиц, не беря во внимание то, что по православным законам, человек, отклонившийся в грехе от Бога, отклоняется и от самой Божьей обители. Таким образом, необходимо отделять грешников от святости Христа, чего писатель не делает.

Продолжением выплеска негодования на церковь является произведение «Легенда о совестном Даниле». Данила убивший человека и жаждущий искупления, посещает православных патриархов в Александрии, Ефесе, Византии, Иерусалиме, Антиохии, и даже папу в Риме, умоляя наказать себя за совершенный им смертный грех. Однако все духовные лица пытаются убедить Данилу, что убийство иноверца не является грехом. На просьбу кающегося показать, где об этом написано в Евангелии, церковные служители впадают в гнев и гонят его прочь. Искупление в конечном итоге совершается путем ухаживания Данилой за прокаженным бродягой.

«Оставайся при одном служении Христа и иди служить людям» - в этих словах скрыта идея легенды, по мнению Лескова, Церковная обитель находится вне учения Христа.

Здесь идет прямая клевета на церковь, так как всякое убийство для христианина - смертный грех, в независимости от вероисповедания убиенного. Лесков приписывает православному христианству то, что в некотором роде свойственно таким религиям как ислам и иудаизм.

Писатель не видит большого различия между конфессиями, эту мысль он воплощает в «Сказании о Фёдоре - христианине и о друге его Абраме - жидовине». Сказание повествует историю друзей, выросших вместе в мире и любви, несмотря на то, что принадлежали они к разной вере. «Все были приучены жить как дети одного Отца, Бога, создавшего небо и землю, и всяческое дыхание — эллина же и иудея» [X, 229].

Несмотря на временные распри между друзьями из-за навязывания разных вер ищущими своей выгоды властями, мужчины находят в себе силы на примирение, усвоив главную истину : «все веры к одному Богу ведут».

Федору внушалось что жид - враг православной религии, но к счастью, мужчине было суждено обрести мудрость и узреть, что служить Христу, значит любить всех без разграничения. В итоге друзья строят дом для детей-сирот. Этот дом олицетворяет всенародное единство в служении Богу, который, в конечном счете, один на всех разноверцев.

Здесь еще одна клевета на церковь - православная религия не учит своих последователей видеть в людях другой конфессии «поганных», «заблуждающихся» людей, а даже наоборот, призывает любить и уважать ближнего своего вне зависимости от сословия и исповедуемой религии.

В дальнейшем своем творчестве писатель также сосредотачивает внимание на Священном Писании, но уже высказывает противоположную точку зрения. Он создает сборник опирающийся на слово Божие – «Зеркало жизни истинного ученика Христова», где мы сталкиваемся с лесковскими

моральными поучениями, где Христос выступает у него высшим идеалом и моральным мериллом. Далее он пишет произведения «Пророчества о Мессии. Выбранные из Псалтири и пророческих книг св. Библии», «Указка к книге Нового Завета», «Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания» и др.

О нравственном вреде богатства писатель говорит со страниц повестей «Аскалонский злодей» и «Лев старца Герасима». Лесков дает нам нравственное поучение, относится ко всем с добром да ласкою, а самое главное, отречься от собственности, так как она рождает страх перед жизнью.

Своеобразие религиозного мирозерцания автора ярко продемонстрировалось в повести «Гора». Главная мысль, закладываемая писателем в произведении, основывается на утверждении, что в православии важным является не принадлежность к Божьей обители, а истинность веры, сама же церковь собирает под своим сводом, лишь маловерных людей. В этом заключается христианство Лескова - в разделении веры и церкви.

Очень показателен рассказ «Чертогон», история о том, как один очень богатый купец сначала всю ночь грешит, а потом раскаивается в своих деяниях перед образом, обещая отдать все на свете за прощение всевышнего. Прототипом главного героя можно назвать самого писателя, так как он сам все время жил в противоречии с собой, верил, грешил, отрекался, молился. Лесков был человеком очень эмоциональным, стихийным, порой импульсивность заводила его очень далеко как в публицистической деятельности, так и в религиозных притязаниях.

Писатель считал, что без нравственной духовности не может быть единения с Богом. У Николая Семеновича Лескова, в отличие от его современников, более отчетливо просматривается противоречивость в конфессиональных вопросах. Автор выступает против разного рода проявления агрессии в сторону сектантских отводов христианства, выступает против церковной лжи, но вместе тем, дарит нам образы высоконравственных праведников, представителей православного

христианства (Савелий Туберозов «Соборяне»), не имеющих прототипов в литературе. Поиск религиозной истины – это то, чем Лесков жил, чем болел, и именно это сделало его всемирно известным писателем.

2.2. Секты в произведениях : духоборчество и молоканство.

Появление в России молокан и духоборов относят к рубежу XVII-XVIII веков. В основу сект легли идеи протестантизма. Так как некоторые идеи сектантов подрывали устои государства - непризнание божественного происхождения правительства, отказ от защиты Родины во время военных действий (отказ от насилия), идея избранности и т.п., они всегда подвергались гонениям со стороны правящей власти. Молокане и духоборы отвергали всякие христианские обряды, таинства, иконы и даже крест. В их учении переплетается ложь и истина, последняя сосредоточена, по их словам, в «действии души» и «чувствовании» сердца.

Духоборчество, в отличие от других христианских сект, лежащих в основе многих произведений писателя, встречается на страницах лесковской прозы заметно реже, эта тема остается все еще плохо изученной. Если в штундистах Лесков узрел возрождение христианской истины, и посвятил им немалое количество рассказов, то духоборы прошли в творчестве писателя как бы «подводным течением».

Знакомство Лескова с духоборчеством состоялось 1863 году, когда писатель готовил, по приказу либерального министра народного просвещения А. В. Головина, доклад о раскольничьих школах, изучал труды по расколосектантству.

Больше всего писателя заинтересовал труд П. И. Мельникова «Письма о расколе», который дал ему развернутое представление о практикующих сектах, он же способствовал становлению писателя как публициста. Множество статей о проблеме сектантства написаны под влиянием труда Мельникова, в них Лесков сопоставляет старообрядство и духоборчество,

тем самым создавая контрастный фон для выявления специфических особенностей русского конфессионального раскола.

В статье «Искание школ старообрядцами» (1869), Лесков явно заступает и проявляет симпатию к сектантам, он пишет, что еретики, к которым относит молокан, духоборов, иконоборцев, и других представителей народных верований, не ходатайствуют о школах, так как этот народ очень непривередливый. Лесков не считал разноверцев угрозой для господствующей церкви, но и не рассматривал их в единении.

В другой статье, под названием «Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах» (1875), Лесков делает вывод, что духоборчество – самое что ни на есть русское явление, автор стремится защитить сектантов от нападок и обвинений в их, якобы, оппозиционных настроениях к действующей власти. Выступает с резкой критикой взглядов митрополита, высказывая мнение, что у сектантов духоборческой ереси, может и существуют свои политические взгляды, но они не выступают против целостности государства и не зломыслят о правительстве. «Представляю каждому вообразить себе эту ужасную картину повсеместного плача, сортировки людей и высылки их, по указанию духовных лиц, а также эти перекочевки целыми группами, с детьми, скотом и всяким скарбом <...> Поистине это было бы нечто вроде великого переселения народов под конвоем, ибо иначе народы эти, собранные в большую группу, пожалуй, и не дойдут по маршруту <...> еретиков духоборческого толка высылали с мест их жительства целыми селениями»¹⁶.

Именно молоканская и духоборческая секты становились жертвами репрессий. Писатель считал высылки - позорнейшим бесславием перед всем христианским миром. Лесков описывает в статье подробности массовых репрессий разноверцев, в числе которых были старики и дети,

¹⁶ Лесков Н. С. Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах. М.: Книга, 1988. – 22-23 с.

издевательство чиновников, царящий ужас и хаос. Эти подробности позже лягут в основу сюжета рассказа «Продукт природы».

В статье «О духоборческой и других сектах» Лесков продолжает описывать бедственную картину гонений сектантов, говорит о полнейшей безнравственность этих мер, призывает правительство прекратить репрессии. Писатель создает образ духоборческой секты как гонимой.

Огромное значение духоборство приобретает в повести «Смех и горе», где секта характеризует сумасбродного князя Одоленского, который водился с окрестными хлыстами, сочинял им для их забавы песни и стихи, сам мнил себя и хлыстом, и духоборцем, участвовал в радениях, но в Бога не верил, а только юродствовал со скуки и досады. Лесков высмеивает не только духоборческую веру, но и православную, «заставляя» церковнослужителя хоронить сектантов.

Повышенный интерес у автора вызывала особенность молитвенных текстов в духоборчестве и хлыстовстве, не зря Одоленский сочиняет стихи и песни, подражая сектантам. Духоборцы слагают свои псалмы в рифму, «играют» со звучанием слов, что очень походит на литературный жанр «плетение словес» очень полюбившийся русскому народу.

Духоборы называли священную Библию - мертвой книгой, так как она, якобы, не содержит истинного учения Христа, виной тому были апостолы, записавшие слова Иисуса «на свой лад». «Подтрунивая» над православными, сектанты придумывали собственную «этимологию» имен апостолов в жанре своих сочинений : Матфей – «много намотал», Марк – «намарал», а Лука – «лукавил». Молитвы духоборов, пропитанные антиклерикализмом (антиклерикализм - отвержение Церкви и всего что с ней связано), и даже мистикой, напоминают нам о прошлом Одоленского, который некогда был членом масонской ложи.

Немаловажной деталью является отрывок из текста, где автор повествует о том, что князь не заботился об обществе, потому что пренебрегал всеми «поклоняющимися злату и древу». В данной фразе

кроется одна из основ учения духоборов, которые обвиняли православных христиан в идолопоклонстве – почитании «золотых» икон, и поклонении дереву – кресту. Сам Одоленский, прикрываясь «народной» верой, находил в том свое оправдание.

Духоборческие мотивы встречаются в произведениях «Антука» (1888) и «Дурачок» (1891), здесь герои попадают в ситуации, которые принуждают их к «палачеству», однако, решающий выбор остается за «принужденными».

Учение духоборов очень схоже со взглядами религиозного течения появившегося в III веке у христиан в Севастии, они как и духоборы считали войну проявлением антихристианства, выступали против применения оружия, нередко сами принимали мученическую смерть. Впоследствии их называли «святыми мучениками», которых поминает православная церковь. Писатель «нащупал» эту схожесть, однако в процессе написания рассказа замысел изменился, первоначальная идея - идея мученичества, заменилась на кардинально противоположную. Размышляя о духоборах и мучениках, писатель пришел к выводу, что современный человек противоположен «севастийцу», и развращен на столько, что может уместить в одном предложении тему причастия и убийства. «Я нынешний год исповедовался и сообщался, - отвечает Гонорат на предложение причаститься перед смертью в случае отказа от роли палача. - Я повешу... сколько угодно и кого угодно повешу» [V, 329].

В «Дурачке» Лесков возвращается к замыслу о мученике – духоборце - пацифисте, но уже не похожему на своего прототипа «севастийца». Тема самопожертвования духоборца раскрывается в новом свете, главный герой готов пожертвовать своей жизнью и пойти на войну вместо другого человека.

Таким образом, духоборчество, явившееся вдохновением для писателя, претерпело большие изменения, а уже после, воплотилось в образы главных героев, показав нам новые грани сектантской природы.

«Дурачок» - духобор предстает перед нами в облике праведника, бескорыстного, наивного, доброго, это позволяет Лескову сравнить его с

фольклорным дурачком из русских сказок, который очень близок народному духу.

Таким образом, в 1860-е годы духоборчество служит в произведениях автора лишь фоном для раскрытия особенностей старообрядчества; в 1870-е годы, в произведении "Смех и горе" писатель изображает сектантов антиклериками и мистиками; в последующих рассказах (1888-1891) духоборчество в интерпретации Лескова перекликается с фольклором.

Другое религиозное течение - молоканство, также нашло свое отражение в произведениях Н. С. Лескова.

В публицистике писателя молоканская секта занимает видное место, однако, в художественном творчестве, интерес к молоканам не вышел за рамки эпизодических сцен, цельного образа исповедника молоканского учения писателем создано не было, на страницах рассказов и повестей нередко появляются «мнимые, ложные» молокане. Эта секта оказывается на заднем плане лесковской галереи «христианского разноверия». Молоканство в период творческой деятельности писателя было малоизучено, в народе бытовало разноречивое мнение о секте.

Знание о молоканах у Лескова основывается на личном знакомстве с представителями секты, а также на трудах посвященных этой теме – исследованиях богословов и православных миссионеров.

Молоканство появляется на страницах произведений «Павлин» (1874), «Несмертельный голован» (1880), «Печерские антики» (1882).

В рассказе «Павлин» главный герой помимо принадлежности к молоканской секте, подозревается в ограблении и убийстве. Однако его вероисповедание интересует Лескова значительно больше, нежели его «мирские грехи». Автор выделяет несколько моментов, на основании которых, непросвещенный в вопросе сектантства, простой люд делает вывод о принадлежности Павлина к молоканам.

Писатель рисует образ Павлина как человека нелюдимого и со странностями, что позволяет окружающим «зачислить» его в сектантское тайное сообщество.

Далее, после обстоятельного наблюдения за «загадочным объектом» было выяснено, что он чрезвычайно бережлив, умерен в пище и не пьет ничего кроме воды и молока, поэтому «собранием» было решено, что Павлин – молокан.

Именно через приведенные «доказательства» отношения Павлина к молоканству, рисуется образ самого главного героя – «Павлина - молокана».

Этимология слова «молокан» имеет несколько вариантов. Считается что «молокане» это прозвище нарушителей христианских канонов, которые в постные дни употребляют в пищу молоко. Такая этимология молокан была заложена в «Печерских антиках».

В «Павлине» читателю предлагается второй вариант трактовки слова «молокан», что буквально означает «трезвенник», который употребляет молоко вместо алкоголя. Это подтверждается тем, что пьянство среди молокан отсутствовало, эта немаловажная особенность сектантского учения очень импонировала Лескову.

Подтверждение вышесказанному мы находим в тексте, где главный герой говорит, что не пьет ни вино, ни кофе, а также, не злоупотребляет табаком. Своеобразное мировоззрение молокан было чуждо простому православному народу, который не отказывал себе в увеселительном времяпрепровождении.

Мнимое «молоканство» главного героя люди подтверждали особенностью заносчивого и гордого характера Павлина. Именно «религиозная гордость» и идея «избранности», проявляющаяся в высокомерном отношении к представителям иных религиозных течений, была характерна для представителей сектантского мира. Это народ узрел в Павлине, но, странным образом, не заметил обстоятельство более весомое, которое заключалось в том, что комната героя освещалась изнутри горевшей

перед образом лампадою, что противоестественно для молоканского учения отвергавшего идолопоклонничество - иконы и православные обряды. Таким образом, необразованным людом, имевшим достаточно скудные представления о молоканстве, индивидуальные черты человеческого характера «мнимого сектанта» были восприняты как аргументы подтверждающие собственную фантазию и догадки.

Автор имел цель продемонстрировать некомпетентность русского православного народа в вопросах «разноверия» и сектантства, что иногда выливалось в «трагично – комичные» ситуации. Еще это подтверждает закрытость сект и нелюбимость их представителей, что позволяло иноверцам держать свои учения, кардинально отличающиеся от учений господствующей Церкви, в тайне, а также существовать на протяжении долгого времени.

Тема, посвященная молоканству, разворачивается на страницах произведения «Несмертельный Голован», где тем же «молоканством» народ пытается объяснить феномен незаурядной личности главного героя.

Лесков описывает любопытные подробности жизни Голована – главного героя произведения. По народным слухам, Голован «якшался» с колдовством и практиковал любовные привороты, этим, охотный до всего, люда пытался объяснить любовь избранницы Голована Павлы, которая, якобы, после обряда помазания своих бровей медвежьим салом (медвежье сало часто использовалось для заговоров), полюбила главного героя «не своею силою». Более того, толчком для рождения слухов послужило наличие у Голована «шпанского» петуха, который считался «колдовской птицей», и петушиного камня, который, по повериям, мог приносить владельцу счастье и «старых людей на молодых переделывать». В произведении также упоминается волшебный камень, спасший Голована во время мора.

Все это позволило «внимательному» и впечатлительному народу, некомпетентному в вопросах сектантского вероисповедания, принять

Голована за молокана. Людская молва, причислившая героя к указанной секте, излагается автором с нескрываемым сарказмом.

В идее Лескова заложена попытка разобраться с причиной всевозможных слухов и разноречивых понятий о молоканском «движении», в которых, правда, нелепость, и ересь слились воедино.

Лесков, наслышанный о многочисленных легендах о молоканах, выбирает для освещения в произведении, пожалуй, самую нелепую, но очень полюбившуюся народу. Не зря в самом начале произведения автор пишет о своем герое, что он сам почти миф, а история его – легенда. Идея предваряется в жизнь посредством описания владельца «ермоловской коровы», повара и кондитера Голована, который предпочел своему занятию молочное хозяйство : «...Было мнение, что он избрал это потому, что сам был молокан. Может быть, это значило просто, что он все возился с молоком...» [VI, 299]. Такая нелепая этимология слова «молокан», свидетельствует о полнейшей непросвещенности граждан в вопросе сектантства. Здесь слово «молокан» измененный вариант слова «молочник», в тексте приобретает саркастический характер.

Помимо юмористического фона, «молочная» тематика сыграла большую роль в раскрытии образа «молокана» - кормильца. Герой является поставщиком молочной продукции в дворянский клуб, более того, сердобольный Голован поит молоком нуждающихся детей - сирот. Молоко у русского народа считалось символом изобилия, а корова почиталась как одна из главных кормилиц семьи. Так в «Несмертельном Головане», благие деяния вкупе с происшествием, когда свирепствующая язва, покосившая немалое количество рогатого скота крестьян, не тронула ни «ермоловскую» корову, ни бычка главного героя, люд уже не сомневался во всемогуществе «сектанта».

Но, на этом народ не остановился, теперь под лупой стало рассматриваться «сектантское» учение Голована : «... может быть, что название это (молокан) метило прямо на его веру, в которой он казался

странным...» [II, 114]. Крестьянам Голован казался странным и сомнительным относительно своего вероисповедания. Его «неправославные» поступки, выразившиеся в терпимости к иноверцам и дружбе с медиком Антоном, который «ни с кем не соглашался в самых священных вопросах», воспринимались обществом как антиправославные и греховные.

Таким образом, в «Несмертельном головане», как и в других произведениях Лескова, посвященных этой теме, представляется неоднозначный и противоречивый образ молоканства, который в данном рассказе приобретает еще и мистический оттенок. И, опять, все виной тому, неосведомленность христианского народа в «сектантском» вопросе.

В «Печерских антиках», этимология слова «молокан» приобретает значение «человек, употребляющий молоко во время поста, а также другие скромные продукты», ранее в произведениях Лескова такая этимология слова встречена не была. Сами же молокане предпочитают себя называть «истинно-духовными христианами».

Эта же трактовка «молоканства» подтверждается словами Гиезия, который оправдывает отход от канонической своей веры тяжелой болезнью, говоря, что теперь как молокан, даже в великий пост употребляет в пищу мясное.

В произведении народное представление о молоканах строится только на факте употребления вышеназванными в непопозволенные дни скромных продуктов : молока, мяса и т.д. Русскому народу было свойственно причислять всех сектантов, отвергающих Православное учение или несоблюдающих диету во время постов, к молоканам.

В «Печерских антиках» молоканство демонстрируется не с самой лучшей стороны, однако, выражает мнение, бытовавшее о сектантах среди крестьянского православного народа и даже среди представителей иных сект, вспомним, что Гиезий был старообрядцем.

Рассуждая на тему молоканства, необходимо отметить произведение, на написании которого Лесков так и не решился. Меняющиеся взгляды

писателя на Православное христианство, и постепенное отдаление от господствующей Церкви, «вдохновили» автора на создание произведения о русском еретике - умном, начитанном и свободомыслящем духовном христианине. Произведение это должно было носить название «Еретик Форносов». Слово «еретик» Николай Лесков неоднократно применял к «духовным христианам», то есть к духоборам и молоканам. Однако, в связи с большим различием в учении сектантов, можно сделать вывод, что начитанный, свободомыслящий еретик, «хорошо прочитавший Евангелие», есть никто иной как молоканин. Молокане были известны как знатоки Священного писания, в то время как духоборы называли Библию – «мертвой книгой». «За молоканство» говорит еще и тот факт, как было упомянуто выше, что цельного образа исповедника молоканского учения Лесковым создано не было.

Таким образом, именно легенды и мифы о секте становятся главной темой творчества Лескова о молоканах.

2.3. Иконография : различия в изображении Христа православными и католиками в рассказе «На краю света». «Адописные» иконы «Запечатленного ангела».

Публицистическое и художественное творчество Лескова анализировалось передовыми учеными России и Запада множество раз. Мы же поставили перед собой цель рассмотреть религиозный мотив художественных текстов писателя через призму иконографии – изображения Христа в интерпретации православной и католической ответвлений христианской конфессии на примере рассказа «На краю света», так же пролили свет на «адописные» иконы, упоминаемые автором в рассказе «Запечатленный ангел», данные аспекты не получили должного освещения в трудах исследователей.

Западная живопись всегда вызывала большой интерес у русских писателей, не обошло стороной это и Н. С. Лескова – известного знатока в области искусства. Она же стала предметом размышления писателя о нравственных идеалах европейских художников.

Отличительной чертой русской литературы XIX века становится «сравнение» западно – европейской религиозной живописи и русской христианской иконописи, что проявляется в анализе восприятия Христа между Католичеством и Православием, которое выражается в индивидуальном восприятии Спасителя разными культурами из - за различия в религиозно - идеологическом мировоззрении вышеуказанных. Актуальность данной темы обосновывается стремлением русских писателей и поэтов осознать причины кризиса христианской веры, что заставляет их обратиться к евангельским сюжетам, а в стремлении найти Истину – прибегнуть к сопоставлению основных ветвей христианства.

Н. С. Лесков на протяжении всего творческого пути искал «истинную веру», то в учениях раскольников, которые ему были ближе православных, то через иконографию, то есть через «образное» видение Христа представителями разных отводов христианства.

С «православным» и «западным» пониманием Христа мы знакомимся в рассказе «На краю света», который начинается с беседы архиерея с присутствующими гостями на тему библейских мотивов в западной живописи. Причем, изображения Христа лишены исторической связности, Лесков описывает картины разных стран из разного временного промежутка, который колеблется между XV - XIX веками, за счет этого писатель создает целостное представление о культурных и религиозных традициях западных католических христиан.

Западные художники, по мнению Лескова, изображали Иисуса не как божество, а как простого человека, подкрепляя образ «библейским окружением» Христа – Иуды, кесаря, самарянки и др., что позволило европейским художникам показать человеческую мягкость Спасителя к

самарянке, вместо «строгого внимания», выражение сдерживания гадливости на устах во время поцелуя Иуды, вместо выражения безграничного терпения. Помимо всего прочего, в изображении «западного» Христа главного героя также отталкивало присутствие в божественном «лице» слащавости, сентиментальности и презрения. Нападкам архиерея подверглись художники и их произведения, в числе которых, Рембрандт «Христос и самарянка», Гверчино «Венчание тернием», Рубенс «Поцелуй Иуды» и «Динарий кесаря», скульптура «Голова Христа» Кауера, Метсу, который создал образ избитого Христа, Лафон «Христос в пещере», Тициан, Платон и другие художники, что говорит о Лескове как ценителе, хорошо разбирающемся в иконописи.

Архиерей в беседе с гостями упоминает картину «господина» Лафона «Христос в пещере», кою рассказчику довелось увидеть у одного знакомого князя «не совсем на месте» - в зимнем саду, картина эта стояла в рамочке на столе, перед ней сидела мечтавшая княгиня. Автор описывает прекрасную обстановку: пальмы, аурумы, бананы, щебечут и порхают птички, и она мечтает, и в мечтах своих, «ищет Христа».

Здесь, зимний сад противопоставляется с «лютым морозом» за окном, с бескрайними холодными степями «края света» - Сибири. Изображение Христа отделено от людских глаз не только «рамочкой», но и самой хозяйкой, как бы отрешенной от действительности. Это «отделение» прослеживается и в альбоме архиерея, который скрывает собранные им произведения западного искусства, границы альбомного листа и его обложка – это тоже своего рода «рамки», отделяющие западного Христа от русского человека. В XIX веке европейцы считали модным изображать портретные картины «не на своем месте» - в зимнем саду, в них комфорт и роскошь резко контрастирует с реальным миром. Западная роскошь демонстрируется Лесковым в описании все того же альбома, с его большими размерами, богато украшенной резьбой из слоновой кости. «Щеголеватый, канареечный

Христос» далекий от духа простого русского человека не находит «почитателей» среди архиеереевских гостей.

Западный Иисус внушает «только сострадание и ничего более». Здесь Лесков выделяет картину Метсу, теряясь в догадках, с какою целью великий мастер «так его избил, иссек и искомвлянил», Метсу выбил из Христа весь дух, оставив одно только страдающее тело, на которое, по словам архиерея, «смотреть даже страшно». В «написанном» теле и лице Иисуса, акцентировано человеческое начало, выраженное индивидуально – авторским пониманием страстей Христовых, которые Метсу так убедительно изображает на полотне – опухшие веки, кровь, синяки. Столь правдоподобное, даже немного приукрашенное изображение Спасителя, становится своего рода препятствием для молитвы верующих.

Представителям западного мира, выросшим на трагедиях Корнеля, Расина, Мольера, с их «тонкой, ранимой натурой» проще воспринимается «драматично - трагичный» Христос, в то время как православный Иисус, больше походит на простого русского мужика, близкого уже крестьянскому пониманию.

Примечательно, что в рассказе католическое изображения Христа Лесков называет «картинами», а их создателей - художниками, в то время как православные изображения именуется «иконой» или «ликом», а их творцы – мастерами или иконописцами.

Русские иконописцы более сдержаны в изображении библейских мотивов. Архиерей, а вместе с ним и сам Лесков, противопоставляют «ошибочное», по их мнению, изображение католического Иисуса Христа с православным Мессией на иконе. При обсуждении русской иконы, «рамки» не упоминаются: «...Закроем теперь все это, и обернитесь к углу, к которому стоите спиною. Опять лик Христов, и уже на сей раз это именно не лицо, — а лик. Типическое русское изображение Господа <...> по-моему, наш простодушный мастер лучше всех понял — кого ему надо было написать...» [I, 338]. Мы предполагаем, что речь идет о деревянной иконе. В

«Запечатленном ангеле» Лесков вносит конкретику в иконописные детали, характеризует школы и типы письма, дает развернутое представление об отличительных особенностях мастеров различных губерний, однако, в произведении «На краю света» писатель, по какой-то причине, избегает конкретики в описании иконы архиерейской гостиной, совершенно ничего не сказано ни о сюжете, ни о мастере который ее создал.

Информация об иконе дана очень обобщенная, из сказанного понятно лишь то, что она изображает истинно «русского Христа», с прямым, простым взглядом и чуть означенными чертами и полным впечатлением, возвышенным теменем, что, как известно, по системе Лафатера означает способность возвышенного богопочтения, и самое главное, в его лице есть выражение, но нет страстей. Именно в изображении «страстей» упрекает Николай Лесков западных художников, которые сделали их Христа обыкновенного человека лишённого «духа». Русскому Христу «за пазушкой» Лесков, в первом издании рассказа «На краю света» (1876) предпосылает эпиграф со строчками из стихотворения И. Тютчева под названием «Эти бедные селенья...» :

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Автор делает акцент на «рабском виде» православного Христа, по мнению автора, русский народ лучше понял внешние черты Христова изображения, ближе подобрался к постижению Истины, и понял внутренние черты его характера.

«... я более всяких представлений о божестве люблю этого нашего русского Бога, который творит себе обитель «за пазушкой». Тут, что нам господа греки ни толкуй и как ни доказывай, что мы им обязаны тем, что и Бога через них знаем, - а не они нам Его открыли; не в их пышном византийстве мы обрели Его в дыме каждений, а Он у нас Свой,

притоманный, и по-нашему, попросту, всюду ходит <...> где Он каким открылся, так таким и ходит» [I, 348-349]. «Русский Христос» мужиковат, его не позовут в зимний сад слушать канареек, Глаголы «открылся и ходит» освобождают православного Христа от ограничений и «рамок». Западное изображение Христа появляется лишь в начале повествования, в то время как «мужиковатый Христос» «сопровождает» произведение вплоть до последней главы - от Петербурга до Камчатки.

Являясь знатоком и почитателем иконографии, Лесков наряду с общеизвестными и традиционными живописными изображениями христианских святых, представил читательскому взору малоизвестное, нетипичное и загадочное явление библейской «изобразительности» – «адописные иконы», которым в художественной литературе практически не было уделено внимания.

Первые упоминания об «адописных иконах» относят к X веку - «Житие Андрея Юродивого», где по сюжету, святой, пришедший к женщине во сне, раскрывает тайну «оскверненной» иконы. Самое известное упоминание об «адописных иконах» мы находим в «Житие Василия Блаженного» датированного XVI веком, где главный герой на глазах у толпы верующих людей кинул камень в образ Богородицы на Варварских воротах, объяснив, а в позже и доказав, что под слоем краски было скрыто изображение дьявола. Далее, вплоть до XIX века упоминания об «адописных иконах» отсутствуют.

«Второе рождение» «адописные иконы» получают благодаря Н. Лескову, который посвятил им одноименную статью «Адописные иконы» и упомянул в рассказе «Запечатленный ангел».

«Замаскированные» дьявольские изображения были распространены среди староверов, которые не желали подчиняться новым церковным реформам, принятым в XVII веке, а именно, греческим образцам богослужения. Свой протест они выражали в написании «адописных икон» которые должны были подорвать веру христиан, принявших церковные «нововведения». Не меньшей популярностью «дьявольские иконы»

пользовались среди жидовствующих, которые отвергали все Церковные атрибуты, в том числе и иконы, считая их «идолами», а православных христиан – идолопоклонниками. Дабы бороться с «сотворившими себе кумира», жидовствующие изображали на полотне черта или даже дьявола, накладывали второй грунт и уже после, писали лик святого. Верующие одновременно возносили молитву или хвалу и Богу, и дьяволу, это делалось для того, чтобы искоренить поклонение и веру в святые иконы.

Лесков в своей статье об «Адописных иконах» (июль 1873) раскрывает другую версию, причисляя к авторству икон мошенников, торговцев - коробейников (офеней). Схему «адописного» мошенничества писатель художественно изобразил в рассказе «Запечатленный ангел». В статье автор указывает, что много раз слышал об «адописных иконах», которые, по его словам, были распространены по центральным российским губерниям - от Харькова, Орла, Москвы до Пензы, эти иконы всегда были нового, и только фряжского письма. Старообрядцы никогда не покупали их и, тем более, им не поклонялись.

Позже, публицисты, заинтересовавшиеся статьей Лескова, не найдя реальных доказательств существования «адописных икон», в своих газетных статьях, сделали вывод, что под этим термином стоит понимать не иконы изображающие чертей и дьявола, а «дешевое неискusstное письмо», выполненное непрофессиональными иконописцами.

Автора очень волновала тема святотатства, «преступления» против христианского вероисповедания, это ярко демонстрирует сцена из «Запечатленного ангела»: «...Сказать страшно, что они со мною сделали! Один мне икону променял за сорок рублей и ушел, а другой говорит: «Ты гляди, человек, этой иконе не поклоняйся». Я говорю: «Почему?» А он отвечает: «Потому что она адописная», — да с этим колупнул ногтем, а с уголка слой письма так и отскочил, и под ним на грунту чертик с хвостом нарисован! Он в другом месте скovyрнул письмо, а там под низом опять чертик. «Господи! — заплакал я, — да что же это такое?» «А то, — говорит,

— что ты не ему, а мне закажи». И увидел уже я тут ясно, что они одна шайка и нороят со мною нехорошо поступить, не по чести, и, покинув им икону, ушел от них с полными слез глазами...» [I, 430].

В «каверзливое», по словам Лескова, капиталистическое время, когда «зверство» и «дикость» растут и смелеют, а люди с незлыми сердцами совершенно бездеятельны до ничтожества, неприкрытое кощунственное отношение к народной вере и святым предметам становится нормой. Продавцы «адописные беснования», уже не являются для народного суда грешниками, их просто причисляют к мошенникам.

В рассказе главным героем, по сути, является икона, это говорит нам о глубоких размышлениях автора на тему христианского раскола. Именно иконописное искусство Лесков считал объединяющим началом, нравственной опорой и эстетической призмой, которая рождала в человеке силу духа, способствовала установлению неразрывной связи с Богом. Мошенники своими деяниями «рушили» веру народа в Божественное чудо, заставляли усомниться в святости икон. Не зря главный герой был рад, что этого глумления над святыней не видел молодой Левонтий, вера которого находилась в борении из - за увиденного в процессе «путешествия» безбожия и бесчинства.

«Адописные иконы» - это тоже своего рода последствие кризиса христианского вероисповедания, который породил идеи атеизма. Изменение отношения к православной религии отразилось не только на литературе, но и на живописи и иконописи, которые пытались заострить внимание на конфессиональных и морально – этических проблемах современного общества.

Лесков ощущает изменившееся религиозное настроение русского человека, которому поддается и сам, отправляясь на поиски «Истины», вне православного учения и Церкви.

2.4. Цветообозначение, символика чисел, особенность ритуальной пищи в произведениях.

Цветовое пространство и числовая символика в художественной литературе всегда находились в центре внимания исследователей развития литературного процесса, начиная с древнерусского периода по настоящий день. Огромную роль цветообозначение приобретает и при изучении творчества отдельных писателей.

Цвета наряду с числами как важные элементы экспрессии берут свое начало с самого зарождения литературы, где они, в первую очередь, выполняли символическую функцию. Цветопись используется во всех жанрах литературы как яркое выразительное средство. Цветовосприятие в художественном произведении – это психологическое воздействие цветовой гаммы на душевное состояние человека.

Языковой стиль Николая Семеновича Лескова лаконичен. Детали, цвет, одежда, предметы, пища, даже имена героев – всё несет в себе определённый смысл и подтекст. Однако тема цветообозначения наряду с числовой символикой в произведениях Лескова еще не была затронута исследователями творчества писателя.

В произведениях автора, цвет занимает важное место среди изобразительно - выразительных средств, где он может выражать эмоциональный подтекст, психологическое состояние или передавать особое восприятие действительности самим писателем. У Лескова преобладают красный, белый, синий, голубой и зеленый цвета, которые доминируют и в русском национальном живописном искусстве.

Так, уже с первых строчек повести «На краю света» (первое название «На краю света. Рождественский рассказ» напечатан в газете «Гражданин» 28 декабря 1875 г.) мы находим подтверждение вышесказанному : «Ранним вечером на святках, мы сидели за чайным столом в большой голубой гостиной архиерейского дома. Нас было семь человек, восьмой наш хозяин,

тогда уже весьма престарелый, больной и немощный. Гости были весьма просвещенные, и между ними шел интересный разговор о нашей вере и неверии, о нашем проповедничестве в храмах и о просветительных трудах наших миссий на Востоке» [I, 335]. В данной отрывке, цветовая гамма, вступает в тесную взаимосвязь со значением чисел, места и времени, что вкуче раскрывает заложенный автором идейный смысл.

Символика чисел, берущая начало с древних времен, это очень сложное средство раскрытия авторской позиции, нередко передающая скрытый подтекст, или же наоборот, подчеркивающая сюжетный замысел.

Сакральную важность обсуждаемых тем - «веры и неверия», «проповеднических миссий среди языческих народов» (основные «проблемы» православного учения) писатель подчеркивает местом и временем пребывания гостей. Святки – праздничные дни – промежуток времени от Рождества до Крещения. На святках происходят гуляния, хождение по гостям, этот факт послужил поводом для собрания «просвещенных гостей» разного сословия.

Место – архиерейский дом, обитель человека приближенного к Богу, здесь огромную роль играет цвет стен гостиной. Голубой - для христиан символизирует небо, вечность, смирение, благочестие, самопожертвование, кротость, чистоту, целомудрие, духовную преданность и постоянство. В голубой цвет чаще всего красят стены храмов, освященных в честь Пресвятой Богородицы, где он символизирует ее чистоту и непорочность. Голубой – цвет святого духа.

Разговор шел между просвещенными людьми, то есть между людьми образованными, политически подкованными, тесно знакомыми с православными канонами, а также имеющими представление о миссионерской деятельности проповедников, что говорит о их заинтересованности в насущном вопросе.

Далее мы сталкиваемся с цифрой семь – «нас было семь человек», и как бы «подчеркнутым» восьмым персонажем – хозяином дома. Семь –

сакральное число в христианстве – семь дней Творения, семь печатей в «Книге жизни», семь ангелов вострубили в Откровении, седьмой день недели священный, семь прошений молитвы «Отче наш», семь смертных грехов, семь церковных таинств и т.п. А число восемь в Библии является числом полноты и ассоциируется с новым началом - вновь обретенного рая, восстановления, возобновления, счастья; восьмой день породил нового, совершенного человека, после семи дней поста наступает духовное обновление.

Таким образом Лесков сознательно отделяет «восьмого» от остальных собравшихся, так как его видение обсуждаемого вопроса идет вразрез с собеседниками. «Присужденная» ему цифра восемь, с ее христианской этимологией, говорит нам о том, что архиерей обрел для себя новую истину – «породил в себе нового человека», с новыми взглядами на предмет обсуждаемого «обществом» вопроса – проповеднической деятельности христианских миссионеров среди чужеземцев.

В рассказе «Смех и горе» оттенки красного цвета нагнетают состояние приближающийся тревоги и опасности : «... Я любил засматриваться, едуци, на полосу заката...и не заметил, как она угасла и как перед остановившимся внезапно экипажем вытянулась чёрная полоса каких-то городуллек, испещрённых огненными точками красного цвета, отражавшегося длинными и острыми стрелками... Посредине этого двора висел на верёвке большой фонарь, ничего не освещавший, но глядевший на всё, точно красный глаз кикиморы» [V, 117].

Красный цвет встречается и в очерке «Леди Макбет Мценского уезда», где он выполняет уже совершенно иную функцию. Николай Лесков использует этот цвет для дополнительной психологической характеристики героев, расставления акцентов. Здесь, красный цвет приобретает значение страсти, сексуального влечения, символизирует мужскую энергию Янь, олицетворяет волю к победе. Также красный цвет связывают с потерей самообладания, кровью - Бог войны в красном, разрушением и т.п.

«... из мучной кади, привешенной к весовому коромыслу, в эту минуту выглянула толстая рожа румяной кухарки...», «... Небось тоже устанешь,- ответила, краснея, отвыкшая от таких речей Катерина Львовна» [V, 249-250].

Красная рубаха возлюбленного Катерины Львовны Сергея становится своеобразным символом, этот символ не мог иметь белый окрас, олицетворяющий чистоту, невинность, скорбь. Красный цвет выбран Лесковым не напрасно, здесь он раскрывает характер своего обладателя - страстную натуру, плотскую любовь, опасность : «... Сергей обнял молодую хозяйку и прижал её твёрдую грудь к своей красной рубашке» [V, 250]. Рубаха Сергея – предупреждение главной героине о надвигающейся беде.

Также мы встречаем в произведении описание «красных губ» Катерины Львовны, «красную кровь» на виске убиенного Зиновия Борисыча.

Немаловажную роль в очерке играет и числовая символика. Кульминационным моментом «Леди Макбет Мценского уезда» является убийство маленького Федора – племянника Зиновия Борисыча. Детоубийство происходит в день двенадцатого праздника Ведения во храм Пресвятой Богородицы – двадцать первого ноября. Автор специально выбирает этот церковный праздник, чтобы усилить момент отпадения главных героев от церковной жизни.

Другим числом, несущим в себе христианскую символику является цифра три. Во-первых, три убийства совершают любовники - три грехопадения. Во-вторых, маленький Федор перед смертью трижды напоминает Катерине Львовне о жизни во Христе. Первый раз, сказав Измайловой что читает «житие», второй – когда просит подать ему книгу «вон ту, с образника», третий раз, сообщая, что ждет «благословенного хлебца от всенощной». В-четвертых, Катерина трижды входит в комнату племянника перед убийством, в третий «тетин» приход Федя рассказывает про житие Феодора Стратиллата - своего святого ангела-хранителя. Маленький Федя становится прототипом своего покровителя, также принимает мученическую смерть от рук грешников. Великомученик Федор

Стратиллат за свою преданность христианской вере был обезглавлен. Само имя Федор в переводе с греческого означает «Божий дар», имя ребенка подчеркивает его непорочность и чистоту.

Описание контраста света и тьмы, усиливающегося к третьему убийству, Лесков использует в описании дома купчихи. Зажженные лампы перед ликами святых отдавали тень, которая блуждала по пустым и темным комнатам Катерины Измайловой. Тьма скрывавшая под своим покровом страшные грехи, отступает перед солнечным светом проступающим через оконные ставни : «закрытые ставнями окна начали оттаивать и заплакали», и именно через этот свет стало известно о преступлениях любовников.

Однако цвет у писателя может иметь относительную обобщенность, где он передает лишь оттенки окружающей среды, не неся в себе подтекста, наглядным примером служит повесть «Гора» : «...Вскоре они увидели широколиственное дерево, под которым паслись четыре жёлтые козы, и посреди них сидела на траве простоволосая босая девочка в грубой рубашке из холста коричневого цвета» [X, 62].

Данное средство цветового выражения формирует образный мир художественного произведения, помогает увидеть глазами автора окружающую действительность, постичь внутренний мир писателя, что очень важно для исследователей «лесковедения».

По мнению Л. В. Щербы, цветообозначение является одним из существенных элементов стиля писателя, посредством которого выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений. Цвет является также своего рода воплощением мировоззренческих идеалов автора.

Изучение цветовой гаммы произведения способствует более глубокому его пониманию, анализу. Вместе с тем, цветовые решения автора придают определенный колорит произведению, что прослеживается в произведениях Лескова. Через цвет представляется возможным более яркое описание необходимых качеств, признаков и реалий.

Немаловажную смысловую нагрузку несут в себе гастрономические описания, еда и питье занимают важное место в художественном творчестве Лескова, несмотря на это, данная тема не получила должного освещения в трудах исследователей. Гастрономический «мир» писателя не столь обширен как у Гончарова или Гоголя, еда у Лескова не обладает некой символичностью, как воскресный пирог Обломова или превратившийся в сухарь пасхальный кулич Плюшкина. Для автора пища, это скорее инструмент расставления акцентов, дополнительная подробность раскрывающая характер героев.

В произведении «Соборяне» традиционная вечерняя трапеза отца Савелия состоит из двух отваренных яиц всмятку, что говорит об умеренности главного героя в еде. Савелию Туберозову Лесков противопоставляет священника Алексея, с аппетитом кушающего жаренную в сметане печенку с барского стола Плодомасовой, которая удручена отъездом своего чада в Петербург на службу. Данное гастрономическое описание, свидетельствует о хорошем материальном достатке и гостеприимстве хозяйки. В священнике Алексее неспособном удержаться даже в столь неловком моменте от «бесплатных», предлагаемых хлебосольной барыней кушаний, раскрывается бесчувственный характер духовного лица. Изобилие яств Плодомасовского стола резко контрастирует с произведениями «Юдоль» и «Засуха», где описание «убоинки», «яровой ржи», лежащих около дорог ободранных «падл» помогает Лескову создать образ голодающей деревни.

Христианские традиции русского этноса нашли свое отражение в ритуальной пище, которой Лесков придавал огромное значение.

В произведении «Житие одной бабы» описывается строгое следование христианским традициям, где главная героиня Настя, по пришествии великого поста ходила говеть, исповедовалась и причащалась. Однако у праведников Лескова, пост никогда не является самоцелью, а иногда и считается вовсе необязательным, здесь прослеживается, появившееся после

долгих философско – религиозных раздумий, противоречивое отношение писателя к канонам православной Церкви. Праведник Крылушкин, игнорировавший христианские обрядовые предписания, во время болезни Насти, настаивал на употребление скоромного молока во все дни недели.

В раннем художественном творчестве Лескова подобные противоречия с христианским учением отсутствуют. Главная героиня – праведница романа «Обойденные» олицетворяет образ строгого следователя православным канонам, где великопостная традиция играет ведущую роль. Автор пишет, что Ульяна Петровна Долинская с каждым годом становилась все религиознее, постилась все строже, молилась больше, постоянно скорбела о людской злобе. Строгое следование посту главной героини является воплощением народного понимания о посте как о действе, которое очищает человеческое тело и душу от страстей, дурных помыслов, приобщает к безгрешной жизни. У Лескова на данном этапе творчества пост сопрягается с нравственной категорией греха.

В повести «Смех и горе» тема соблюдения поста представлена уже в совершенно ином свете, герой произведения вспоминает, что стояло великолепное время, когда он был теплым и умиленным юношей, рана от потери матери была еще свежая, поэтому он очень часто ходил в одну домовую церковь, в которой молился пресладко и преикренно. Он начинал говеть и уже «отгавливался». Здесь, пост является проводником героя в далекое прошлое, дарит ощущение душевного спокойствия и тепла, в его представлении пост – это неотъемлемая часть материнской обители и памяти о ней.

В «Соборях» тема ограничения в еде не связана с церковно – календарными постными днями, это скорее социальное явление, здесь пища теряет христианско - православный смысл, становясь осознанным выбором, даже некой безысходностью. Не зря главный герой произведения употребляет выражение «духовное нищенство», «притч полуголодный», это говорит о том, что духовенство было настолько бедным, что вынуждено

было отказывать себе даже в самом необходимом. Однако в хронике прослеживается и более глубокое понимание поста как религиозного явления направленного на покаяние и воздержание чувственного удовольствия. Отец Савелий, досадуя на свою невоздержанность, отказывается от вредного курения и пиршественных застолий.

В рассказе «Запечатленный ангел» Лесков представляет религиозно запрещенную пищу в саркастическом свете. Речь идет о «поганных» продуктах, которые герои произведения возводят в ранг «религиозно нечистых», сталкивая ветхозаветные и новозаветные гастрономические ограничения : «...Церковные кофий пьют!» – «А что за беда, – отвечает Левонтий, – кофий боб, он был Давиду-царю в дарах принесен». <...> «Церковные, – говорю, – зайцев едят, а заяц поганый». «Не погань, – говорит, – Богом созданного, это грех». «Как, – говорю, – не поганить зайца, когда он поганый, когда у него ослий склад и мужеженское естество и он рождает в человеке густую и меланхолическую кровь?» [I, 432].

Старообрядцы придерживались ветхозаветных пищевых ограничений, которые подразделялась на чистые и нечистые, позволительные и непозволительные продукты питания. Староверы придавали этому огромное значение, существовали даже отдельные молитвы, просящие о помиловании за грех вкушения запрещенной пищи, в число которых входило мясо белок, бобров, зайцев, конины, собачатины, ослины и дичи, а также чай, сахар, кофе и т.п. Здесь, употребление православными кофейного напитка и зайчатины, служит для старообрядца Марка основанием к причислению церковных людей к ритуально нечистым грешникам.

По новозаветному учению, нечистота заключается исключительно в душевном грехе, злых помыслах : «ни-что, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека... Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы... все это зло извнутри исходит и оскверняет человека» [Мк. 7:23]. Таким образом, Новый Завет «снял запрет» на всю пищу употребляемую христианином.

Эпизод диалога православного Памвы и старообрядца Левонтия, когда старец посылает молодого отрока пойти очиститься, не касается как такового указания на соблюдение поста, речь о крещении, составной частью которого является причащение. В тексте также не упоминается постничество самого старца Памвы.

В хронике «Захудалый род» также прослеживается критическое отношение Лескова к традиционному христианскому постничеству. У главной героини княжны Хотетовой пост неразрывно связывается с религиозным высокомерием.

Совершенно противоположное отношение к посту имеет госпожа Протозанова, в диалоге с Хотетовой она высказывает собственное мнение на тему «постнического» вопроса. В ответ на слова Хотетовой, что люди живут не для наслаждений, надо во всем себя уметь сдерживать, а самое главное поститься. Протозанова парирует, что надо не от мяса одного надо удерживаться, этот пост для глаз человеческих, для души он пользу не несет, приводя в пример лошадей, которые никогда не едят мяса, но все же остаются скотами. Она убеждена, что надо во всем быть умеренным и свою нетерпеливость и другие страсти на сердце своем приносить во всесожжение Богу, и самое главное, помнить о других. В данном диалоге раскрывается кардинально разные точки зрения на тему постничества – ритуальной пищи. Мнение Протозановой очень близко народному духу, который считает, что очищать надо не тело, а дух.

Данный художественный замысел был воплощен и в рассказе «Мелочи архиерейской жизни» где тема фарисейства выдвигается на передний план. Пост здесь выступает бюрократической характеристикой архиерея – пренебрежением к существу дела ради формальностей. Лесков описывает своего героя весьма расплывчато, говоря, что он был больше суров, или меньше суров, постился ли он и молился больше или меньше – и в этом почти все.

Тема постничества с одной стороны, отражает религиозную эволюцию взглядов автора, с другой, демонстрирует многообразное представление русского этноса о традиционном христианском посте.

Повесть «Железная воля» рассказывает о вынужденном соблюдении поста во время голода, который приравнивается к традиционному очищению. Изголодавшегося Сафроныча церковнослужитель - дьякон пытается защитить от оскорблений люда, говоря, что он перед смертью на чердаке испостился, и умер в христианском прощении, при этом соблюл весь православный обряд.

В произведении «Некрещенный поп» писатель рассматривает пост как явление совершенно необязательное для истинно верующего христианина : «...поп Савва вскоре же дал противу себя еще большие сомнения: в первый же великий пост, когда все прихожане перебивали у него на духу, оказалось, что он ни одному человеку не запретил есть, что ему бог послал...» [XII, 235]. Праведность Саввы для Лескова заключается в его отношении к человеческой нужде, которая стоит для героя выше предписанных христианских традиций.

В рассказе «Однодум» пост проявляет себя как бытовая привычка, причем с коммерческой выгодой. Мать главного героя печет пироги по скоромным дням с творогом и печенкою, а по постным – с кашею и горохом, которые продает по медному пятаку за штуку. Лесков называет ее деяния нехитрым промыслом. Сама семья Однодума придерживалась непрерывному вынужденному постничеству, они не употребляли чай, мясо ели только по большим праздникам, в основном питались хлебом, овощами и грибами. Здесь, употребление постной еды не дань христианским традициям, а осознанный выбор.

Идея осознанного постничества встречается также на страницах рассказа «Овцебык». Где главный герой во имя духовного служения Господу отказывается от поиска заработка, что вынуждает его вести полуголодное существование, ставшее для праведника привычкой. В тексте встречается

много упоминаний о еде. Лесков, описывает героя вечно голодным, съевшим лишь четвертого дня калач в Севке. Даже эпитафия рассказа посвящена пищевой тематике : «Питается травой, а при недостатке ее и лишаями».

Немаловажным является тот факт, что главный герой использует еду для характеристики нелюбимых им «мытарей и фарисеев», упрекая их в сытном обеде. Писатель показывает различия в еде богатых «народолюбцев» и крестьян, знавших вкус только толокна да тюри.

В рассказе «Маланья - голова баранья», непрерывное соблюдение поста также не является религиозной данью, это проявление нищеты и безысходности. Описываемая Лесковым скудная еда крестьян : сныть, вода, мука, квас, соль - каждодневная суровая реальность бедняков. Но даже при такой тяжелой жизни праведница Маланья не теряет своего милосердия и сострадания к ближним.

В рассказе «Шерамур» характер главного героя также проявляется через его отношение к пищевым продуктам : «Шерамур – герой брюха; его девиз – жрать, его идеал – кормить других» [XII, 354].

Следует отметить, что в изображении монастырского быта, в произведениях «На краю света» и «Однодум» нет ни единого упоминания о постничестве героев.

В рассказе «Печерские антики» студенты духовной академии придерживаются вынужденного постничества из-за скупости начальства. Ироничное сложение «акафиста матери Кукурузе», кою они постоянно лицезрели на своем столе, и которая была разрешена в некоторые постные дни, становится своего рода символов церковной пищи бедняков.

«Маленькая ошибка» повествует о церковном живописце, отношение к ритуальной пище которого, заставляет усомниться тещу - купчиху в его религиозной искренности, которая жаловалась, что зять он ко всему относился легко, во время поста употреблял скоромные продукты, и якобы не брезговал даже червями и устрицами. Лесковский герой проявляет несерьезное отношение к посту, что так или иначе было свойственно

русскому народу : «Зачал говеть, да стало брюхо болеть» [Даль, Пословицы русского народа].

Трагичный конец постничества описывается в «Печерских антиках». Где старообрядец Малахия сам соблюдает строгий пост и заставляет своих единоверцев придерживаться такой же диеты. Гиезий, тощий и постоянно голодный юноша, неистово мечтает о «булычке», вкусить которую ему запрещает старец. С одной стороны, такое ярое следование заповедям воспринимается как религиозный подвиг, с другой стороны, приводит к смертельной болезни желудка Гиезия, выдержавшего страшный голод, евшего оскребки с деревянной чашки со щепой, выковыривавшего и проглатывавшего то, что случайно ногами в землю было втоптанно.

В рассказе «Антука» пост представляется своего рода средством манипуляции церковнослужителями верующим народом. Ксендз Флориан, жаждавший получить власть, обещал, что через очищение постом люди увидят чудесное видение Божьей Матери, заставлял христиан весь день поститься и с утра ничего не есть, когда же этот метод не сработал, Флориан снова вынудил изголодавшийся народ не употреблять пищу. Когда же один из верующих хитрецов, якобы, увидел огонек, Ксендз заявил, что окончание поста для всех верующих, наступит только в случае их «духовного прозрения», после которого можно будет есть лозанки с сыром.

В легенде «Прекрасная Аза», главная героиня, поступив по Библейскому указанию, раздала все свое имущество и последовала за Господом. На просьбу принять церковное таинство – крещение, священнослужители, невзирая на евангельский поступок женщины, посылают ее поститься. Аза долго придерживалась строгому посту, питаясь тем, что ей давали из сострадания. Наконец, в изнеможении она вновь отправляется со своей просьбой в Церковь. Лесков в данном произведении отдает посту формальное, несущественное значение. Делая намек на то, что Церковь не хочет видеть благих людских поступков, не придает им никакого значения, а лишь сухо следует своим предписаниям.

В произведении «Фигура», главные герои добровольно отказываются от мясных продуктов, здесь, пищевое ограничение получает новое освещение – вегетарианское, которое Николай Лесков пропагандирует в своих поздних произведениях.

Тема постничества – ритуальной пищи, в художественном творчестве Лескова получает саркастично – ироническое освещение, что можно трактовать как индивидуально – еретическое мировоззрение автора. В произведениях писателя мы обнаруживаем эволюцию во взглядах относительно церковного учения. Если в раннем творчестве соблюдение православных ритуалов это естественный процесс, то поздние произведения противопоставляют церковный формализм с истинной верой в Христа.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

У Николая Семеновича Лескова, в отличие от его современников, более отчетливо просматривается противоречивость в конфессиональных вопросах. Писатель считал, что без нравственной духовности не может быть единения с Богом. Автор выступает против разного рода проявления агрессии в сторону сектантских отводов христианства, выступает против церковной лжи, но вместе тем, дарит нам образы высоконравственных праведников, представителей православного христианства, не имеющих прототипов в литературе. Поиск религиозной истины – это то, чем Лесков жил, чем болел, и именно это сделало его всемирно известным писателем.

Лесков интересовался разными отводами христианской конфессии старообрядцами, скопцами, молоканами, духоборами, штундистами, иудействующими и др., каждому из которых уделил огромное внимание как в художественном творчестве, так и в публицистике.

Основная тема в творчестве Лескова – протест против формализма в понимании веры, против формализма Церкви. Писатель уходит от аксиомы – Христос есть истина, теперь он ищет истину материальную, которую можно «пощупать», эта идея воплощается в сборниках о праведниках.

Праведники в понимании Лескова мягко сказать, очень неоднозначны, среди них присутствуют убийцы, пьяницы, многоженцы, люди, бросившие на произвол судьбы детей и матерей. Именно на «неоднозначности» настаивает Лесков при разговоре о христианстве и праведниках. Совершенно непонятно по каким критериям их нужно оценивать, так как на основании принятой цивилизованным обществом морали это невозможно.

Лесков ощущает изменившееся религиозное настроение русского человека, которому поддается и сам, отправляясь на поиски «Истины», вне православного учения и Церкви. Автор на протяжении всего творческого пути искал «истинную веру», то в учениях раскольников, которые ему были ближе православных, то через иконографию, то есть через «образное»

видение Христа представителями разных отводов христианства. Являясь знатоком и почитателем иконографии, Лесков наряду с общеизвестными и традиционными живописными изображениями христианских святых, представил читательскому взору малоизвестное, нетипичное и загадочное явление библейской «изобразительности» – «адописные иконы», которым в художественной литературе практически не было уделено внимания.

Языковой стиль Николая Лескова лаконичен. Детали, цвет, одежда, предметы, пища, даже имена героев – всё несет в себе определённый смысл и подтекст. В произведениях автора, цвет занимает важное место среди изобразительно - выразительных средств, где он может выражать эмоциональный подтекст, психологическое состояние или передавать особое восприятие действительности самим писателем. У Лескова преобладает красный, белый, синий, голубой и зеленый цвета, которые доминируют и в русском национальном живописном искусстве.

Данное средство цветового выражения формирует образный мир художественного произведения, помогает увидеть глазами автора окружающую действительность, постичь внутренний мир писателя, что очень важно для исследователей «лесковедения». Изучение цветовой гаммы произведения способствует более глубокому его пониманию, анализу. Вместе с тем, цветовые решения автора придают определенный колорит произведению, что прослеживается в произведениях Лескова. Через цвет представляется возможным более яркое описание необходимых качеств, признаков и реалий.

Немаловажную смысловую нагрузку несут в себе и гастрономические описания, еда и питье занимают важное место в художественном творчестве автора. Тема постничества – ритуальной пищи, получает саркастично – ироническое освещение, что можно трактовать как индивидуально – еретическое мировоззрение автора. В произведениях писателя мы обнаруживаем эволюцию во взглядах относительно церковного учения. Если в раннем творчестве соблюдение православных ритуалов это естественный

процесс, то поздние произведения противопоставляют церковный формализм с истинной верой в Христа.

Таким образом, Лесков всесторонне, с разных позиций и учений продемонстрировал сущность христианского вероисповедания, в которых отразилось и личное мировоззрение гениального художника слова.

ГЛАВА 3. ПОЗДНЕЕ ТВОРЧЕСТВО Н. С. ЛЕСКОВА.

3.1. Диалог «старого» и «нового» в хронике «Соборяне».

В конце 60 - х – начале 70 - х годов XX века Н. С. Лесков создает ряд хроник, в которых отвергает «самодовольную современность» и полемически противопоставляет «новое» - «старое». Обращение к прошлому не уводит писателя от актуальных и злободневных проблем, напротив, это является способом выражения критического отношения к «новым временам». Хроники «Соборяне» (1872), «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Захудалый род» (1873-1874) отображение духовного кризиса автора, проявившегося в усилении критических тенденций.

Для Лескова проблема идеала получает особенно важное значение. Писатель отказывается видеть «идеал» в современной ему действительности. Наблюдая нравственный упадок и духовное оскудение общества, он все чаще обращается к истории, прошлому русского народа, и именно там находит цельные и героические характеры, полностью соответствующие его представлению об идеале.

Сюжетная линия данных произведений не строится на любовном конфликте, не посвящена отдельной судьбе человека, она рассматривает глубинные процессы «которые определяют жизнь России, расстающейся со своим патриархальным прошлым : разрушение былой общественной целостности, ослабление человеческих связей, рост эгоистических интересов»¹⁷.

Эти явления очень волновали Лескова, в своих сочинения писатель создает образ героев способных противостоять разрушительным тенденциям. Наиболее колоритным, с точки зрения художественного образа, является характер протопопа Савелия Туберозова из «Соборян».

Хроника «Соборяне» вызвала повышенный интерес у критиков и коллег Лескова новизной описываемой среды. Если литераторы 60 – х годов

¹⁷ Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л.: Лениздат, 1978. - 81 с.

стремились показать косность и неразвитость провинциального духовенства, то Лесков считал отдаленный притч хранителем и приверженцем идеала, испытывал к нему глубокую симпатию.

Автор описывает не только самобытные русские характеры «старгородской поповки», но и взаимоотношения героев - иногда напряженные, но всегда искренние. «Старгородская поповка» - это маленький мир «имеющий многочисленные связи с окружающим его миром всеобщей русской жизни и в то же время не сливающийся с ним, сохраняющий свое единство и свою известную обособленность»¹⁸.

Главный конфликт хроники – противоречивость русской жизни. Лесков вводя в сюжет дневник Туберозова, рассказы карлика Николая Афанасьевича, петербургские письма Ахиллы дает развернутое представление о русской действительности на всех социальных уровнях.

Конфликт, возникший из – за «одностойный тростей» между Савелием Туберозовым и дьяконом Ахиллой Десницыным, знакомит с читателями с противоречиями патриархального уклада «старгородской поповки». Однако эти противоречия носят случайный характер, они не отражаются на духовности людей. Савелий корит себя за «постыдную мелочность», размышляя над тем, на то ли он был годен, чтобы за тросточку обижаться, или еще хуже ухищряться об ее отличии. Туберозов преодолевает человеческую слабость, пустяки уступают место думам и стремлениям к высокому.

Более важным в сюжетном отношении является конфликт, повествующий о вражде дьякона Ахиллы Десницына с Варнавой Препотенским – учителем естественной истории, здесь сталкивается, отмеченный выше, «новый» и «старый» уклад жизни. Автор противопоставляет пусть и взрывной, но высоконравственный характер дьякона с человеком духовно нищим, подчиняющимся веяниям времени и несущем раздор в массы.

¹⁸ Там же, 83 с.

Однако эта история, оттесняется на задний план «великой старгородской драмой» - главным предметом произведения. В хронике отсутствуют резкие сюжетные повороты, фатальные действия и события, произведение строится на душевном самочувствии героев и их духовной эволюции. Лесков погружает читателей «в глубины внутреннего мира самого драматического лица нашей повести» [I, 117] - Савелия Туберозова. Драматизм личности Туберозова – следствие нового буржуазного уклада и нищета старой патриархальной жизни, в которых «большой человек» обречен на нереализованность и гибель.

Образ Савелия Туберозова – одно из самых больших художественных достижений зрелого Лескова. Писатель намеренно акцентирует внимание читателей на чувственных переживаниях главного героя, тем самым противопоставляя его людям меркантильного века, лишенных искренних эмоций. Автор трепетно описывает сцены, в которых протопоп, умилившись подарками карлика, целует его «чуть не до удушения», или растроганный высоким душевным порывом своей жены, он долго носит ее, как малого ребенка, по ночному саду, отдаваясь общим для нее грезам о будущем. В еще большей степени благородная горячность Туберозова обнаруживает себя в той героической одержимости, с которой он защищает от «небрежения» дорогой для него христианский идеал.

Немаловажную смысловую нагрузку несет в себе описание дома протопопа, в котором он живет с женой Натальей Николаевной. Писатель несколько раз повторяет в описании атмосферу тишины и покоя царящую в доме главного героя, такое определение не только заключает в себе психологическую характеристику взаимоотношений супругов, но и содержит более глубокий смысл, связующий эти отношения со всем укладом тихой патриархальной жизни Старгорода.

Однако отношения Туберозова с женой нельзя назвать абсолютно гармоничными, горячо любящей, но примитивно мыслящей жене не под силу

удовлетворить духовные потребности мужа, грезящем о высоком. Протопоп страдает от легкомысленного отношения людей к отечеству, к ее истории, его ранит повсеместная ложь и лицемерие, непонимание фатальности, которая лежит на человеке. Вопреки его желаниям и стремлениям не происходит движение к «доброму идеалу», а, наоборот, еще пуще ощущается процесс духовной и моральной деградации «нового» общества. На страницах своей демикотоновой книги протопоп размышляет о великом значении церкви, которая, по его мнению, является сосредоточением духовности, а также объединяет людей и воспитывает в духе братской любви, в то время как современные «нигилисты» напрочь отвергают все святые каноны православного христианства. В «Соборьях» как и в «Мертвых душах» Гоголя, город выступает одним из главных действующих лиц, Лесков как бы подчеркивает равнодушие к жизни «толпы». Провинциальная русская действительность «душит» высоконравственных, «болеющих» душой и телом за судьбу народа сильных личностей, подводит их к трагическому концу.

Патриархальная жизнь Руси в «Соборьях» представлена Лесковым в двойственном освещении, если в соотнесенности с надвигающимся «железным веком» она и выглядит привлекательно, то, увиденная изнутри, производит гнетущее впечатление. Автор находит в старгородской жизни добрые стороны, однако не идеализирует их. Лесков, наряду с Гоголем выдвигает на передний план повсеместную нищету, однообразность и скучность повседневной жизни – застой.

Очень схожа лесковская сцена потасовки в доме у почтмейстерши с купеческой пирушкой в «Мертвых душах», перешедшей в драку. Оба писателя считают, что духовный примитивизм, проявляющийся в подобных ситуациях, присущ не только провинциальным жителям, это есть особенность всей неразвитой русской жизни.

Вопреки современной Лескову литературной традиции, носителем критического сознания, реагирующим на страшную внутреннюю бедность

русской жизни, борцом совершающим духовный подвиг, выступает не человек дворянского сословия, как это было принято в отечественной литературе, а провинциальный протопоп, выходец из бедной семьи, мерой развития своей личности обязанный не столько воспитанию и образованию, недостатки которых он трезво сознает, сколько самому себе. Данный тип героев стал постепенно оттеснять из литературы персонажей привилегированной культурной среды.

Лесков вслед за Лермонтовым и Тургеневым использует в хронике жанр дневниковых записей, стремясь глубже передать душевные страдания, чувства и думы главного героя. Данный жанр долгое время составлял монополию «дворянской литературы» и считался уместным лишь в сочинениях о «лишнем человеке» с обостренным нравственным самосознанием. Однако автор «Соборян» убеждает читателей в том, что его герой не уступает «печоринскому типу» ни по драматической напряженности внутренней жизни, ни по значительности возникающий перед нею мучительных нравственно – философских проблем, ни по высоте идеалов. Источник драматизма жизни Туберозова все тот же застой русской действительности, который «душил» «лишних людей» бытовой однообразностью, не давая служить высокому идеалу.

Протопоп в своих проповедях призывал прихожан стыдиться жить пустой, мелочной жизнью, высказывался о необходимости постоянного духовного и морального самосовершенствования. Туберозов приходит к печальному выводу, что «христианство на Руси еще не проповедано» [I, 244] и ставит перед собой непомерную задачу – перестроить окружающий мир в соответствии с христианским идеалом. Однако старания протопопа не увенчались успехом, «вольнодумного попа» церковное начальство лишает права читать проповеди без предварительной цензуры, а в дальнейшем подвергает еще более жестоким репрессиям. Таким образом, бунт протопопа против нравственного упадка общества одновременно становится бунтом против власти.

Савелия Туберозова волнуют те же «вечные» вопросы которые терзали душу лермонтовского Печорина, протопоп, пытаясь постигнуть цель своего рождения, задается вопросом : «Не знаю, что о себе думать, к чему я рожден и на что призван? <...> Негодую, зачем я как бы в посмешище с миссионерской целью послан : проповедовать – да некому, учить – да не слушают!» [I, 103]. Томясь вынужденной бездеятельностью, душа «большого человека» медленно, но верно «обрастает корой». Протопоп не может смириться с нравственным оскудением России, в борьбе с религиозным неверием главный герой обнаруживает поразительную цельность природы, резко отличающую его от «лишнего человека» с присущей ему внутренней раздвоенностью, зыбкостью чувств и разладом между словом и делом.

Цельность и крепость природы главного героя своей хроники Лесков рисует с легендарной личности - протопопа Аввакума, «заимствуя» у предшественника нравственную твердость, темперамент борца за справедливость и готовность пострадать за свой идеал. Туберозов не дает себе никакой поблажки и корит себя за любое проявление слабости. Такое же строгое отношение распространяется и на окружающих протопопа людей. Так, усмотрев в одной из церквей роспись с ненавистным ему духом шутовства, Савелий приказал состругать «художество», а мастера отвезти за сорок верст и отправить обратно пешком, «чтобы имел время в сей проходке поразмыслить о своей живописной фантазии» [I, 107]. Данный эпизод обнаруживает параллель с рассказом Аввакума о расправе над скоморохами, которым он поломал инструменты и отнял медведей.

Воитель по натуре, Савелий Туберозов, как и протопоп Аввакум, обрушивает свой наибольший праведный гнев на церковное и местное начальство, проявляющее оскорбительное для него пренебрежение к делу веры. Насколько сильно протопоп презирал «сильных мира сего», настолько же сильно он любил простой христианский люд, постоянно жалея и заступаясь за него перед чиновниками. Живой образный язык протопопа Савелия также свидетельствует о его близости к народу. Как и Аввакум,

Туберозов человек народной среды, и именно это «родство» с простым крестьянством объясняет его неиссякаемую жизнестойкость.

Савелий Туберозов в борьбе за «добрые идеалы» решается на отчаянный поступок, духовный подвиг – обличительную исповедь. Однако Лесков отчетливо осознает, что протопоп лишен сторонников в современном обществе, ему не на кого опереться в реализации своих стремлений. Писатель намеренно заостряет внимание на одиночестве главного героя в канун подвига, ему не с кем разделить душевные терзания. Протопоп не может найти совета ни у смиренного отца Захарии, ни у Ахиллы, живущего «стихийной силой», ни у Туганова, на поддержку которого он опрометчиво рассчитывал, ни даже у горячо любимой, но недалекой Натальи Николаевны, засыпающей в поздний час, во время душевной исповеди мужа. Взаимоотношения Савелия Туберозова с Натальей Николаевной напоминают отношения Аввакума и его многострадальной жены, но с одной оговоркой, что последняя духовно ободряет своего супруга, укрепляет в решимости бороться.

За обличительную исповедь прихожанам, протопопа высылают из родного города. «Туберозов лишний раз убеждается в тщетности попыток обрести благо в частном существовании, теряющем точки соприкосновения с миром всеобщей жизни»¹⁹. Новый период жизни «вольнодумного попа» находит большое сходство с «житием» Аввакума. Савелий, как и его прототип, отказывается пойти на компромисс властям, признать вину и попросить «всепокорнейшее прощение».

Ни на минуту не ослабевающий драматизм духовного существования отца Савелия с наибольшей силой обнаруживается в момент его смерти. Сцена смерти Туберозова становится кульминацией хроники, которая раскрывает колоссальные возможности личности, которые в силу неразвитости общественной среды, так и не находят своего применения.

¹⁹ Там же, 101 с.

Перед смертью, во время исповедания, протопоп отказывается простить своих врагов, проявивших преступное небрежение к вере. В предсмертном обличении Туберозова чувствуются гневные ноты Аввакума, проклинающего отступников – никониан. В последнюю минуту своей жизни протопоп близок к полному отвержению церкви.

У Лескова образ «идеального христианина» заметно отличается от его современника Достоевского. К христианскому учению писатель подходит как практик, а не как философ. Поэтому не случайно протопоп Савелий Туберозов пожертвовавший жизнь во благо высшему идеалу, не выступает в хронике, подобно отцу Зосиме Достоевского, с изложением основных постулатов своей веры. В отличие от своего коллеги, Лесков отдает привилегию не смирению и всепрощению, а любви к ближнему и помощи слабым, прочее представляется ему весьма второстепенным. Писатель искал не столько «путь к небу», сколько смысл жизни.

Жизнь провинциальной глубинки в «Соборях» представлена в противоречивых тонах, в ней есть богатство и скудость, сила и слабость, движение и застой. Эти противоречия до самого конца хроники остаются непримиримыми. Лесков не идеализирует патриархальное прошлое отечества, понимая ограниченность и историческую исчерпанность данного уклада жизни, но в то же время он не видит будущего за новым строем, воцарившимся на Руси, который против коренных потребностей людей, стремящихся к единению и гармонии. Лесков стремится убедить современников в необходимости почтения исторического опыта, пренебрежение которыми, по его мнению, влечет за собой нравственный упадок и деградацию. Главный герой хроники Савелий Туберозов представляет собой старую патриархальную Русь, только в ней, по мнению Лескова, могли существовать подобные цельные и героические характеры.

3. 2. Социальный пафос поздних рассказов.

В последние десятилетия XIX века Н. С. Лесков создает ряд произведений отличающихся особым критицизмом. Если его прежние сочинения изобиловали поисками русских «праведников», то нынешние стали жестокой пародией на существующие в стране порядки : они обличали ханжей и лицемеров у власти («Административная грация», «Заячий ремиз»), невежественных священнослужителей, «оподляющееся» общество («Загон»). Это резко сатирическое обличение пришлось не по душе цензуре и потому ряд рассказов и повестей конца XIX столетия так и не были опубликованы при жизни писателя.

В письме к Л. Толстому от 8 апреля 1894 г. Лесков заявляет, что не может теперь «показывать живущего во святая – святых» и считает главной своей задачей «остаться выметальщиком сора, а не толкователем талмуда»²⁰.

Центральной темой поздних произведений писателя становится процесс нравственной деградации самых разных слоев современного общества. Так, в повести «Полунощники», события которого связаны с деятельностью Ивана Кронштадского, изобличаются спекуляции на несчастьях людей и торговля «благодатью». Иронизируя над наивностью и неразвитостью людей, уверовавших в сверхъестественные силы «чудотворца», Лесков намеренно изображает священнослужителя усталым стариком, который позволяет не чистым на руку проходимцам руководить собой, и везти его в совсем не те дома, в коих он обещал быть. Несостоятельность и ограниченность служителя церкви в большей мере обнаруживается при его столкновении с купеческой девушкой, отрекшейся от житейских интересов в пользу высшего нравственного закона, любви и добра.

Узнав о конфликте молодой особы с домочадцами, «святой отец» не только ничего не предпринимает, чтобы указать девушке «путь истинный», а

²⁰ Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. М.: Правда, 1962. – 206 с.

наоборот, все силы прилагает на то, чтобы ее сломить. Испуганной поведением дочери, пожилой матери он советует молиться, верить и надеяться, после чего должно произойти чудо, которое вернет страждущий дух девушки в прежнее состояние. В диалоге с Клавдинькой, нежелающей разделять его примитивно плоские «назидания», священник опускается до резких и грубых выпадов против девушки. Однако безусловная нравственная победа достается Клавдиньке, которая несмотря на «терзательства» духовного лица, находит в себе силы пожалеть данного человека, поражаясь ложности роли, которую он для себя избрал.

С еще большей беспощадностью Лесков обличает язвы современного ему общества, его мрачные и теневые стороны в остросоциальном рассказе «Зимний день. Пейзаж и жанр». Уже само двойное название сочинения вызывало вопросы : что такое пейзаж и жанр в рассказе? Ведь этим сугубо научным литературоведческим дефинициям, казалось бы, не место в художественном произведении. Однако Лесков мыслил по - иному. И потому в словосочетание «пейзаж и жанр» он вместил быт петербургского барского дома, все обитатели которого составляют некую общность, которая базируется на животном расчете и грубой чувственности. Лесков беспощадно срывает маски с членов большой дворянской семьи, изображая ее эволюцию, вернее, распад моральных устоев. Постепенно утрачиваются самые естественные человеческие чувства и связи, и узы родства, дружбы и любви либо вовсе исчезли, либо до неузнаваемости извращены. Изображаемые писателем ситуации наглядно иллюстрируют алогизм и безобразие подобной жизни, приравнивают ее к животному примитивизму.

Так, например, повествуя о якобы дружеских отношениях двух немолодых дам, которые ведут долгие и на первый взгляд доверительные беседы, автор констатирует, что эти дружеские отношения объясняются общим «ремеслом» : обе дамы, как выясняется, тайно служат в полиции.

Весьма характерен в рассказе Лескова и эпизод, в котором хозяйка дома советует своей племяннице «держат язык за зубами» в присутствии

гости. Но тотчас же после ухода девушки принимает совет написать донос на курсы, где учится Лидия, и тем самым закрепить за собой получения наследства от одного из своих родственников.

А сын «моральной» дамы, хозяйки дома, студент Валериан сожительствует со стареющей женщиной, и пользуясь ее безрассудной страстью к нему, вымогает у нее крупные суммы денег. Дама же эта, гостья хозяйки, в свою очередь, дабы не потерять расположение юноши, шантажирует дядю Валериана, подсылая к нему за деньгами своего больного мужа. Того самого, которому некогда она с этим генералом наставляла рога.

Важное место в рассказе уделено этой героине и в ином плане : она подозревается в уголовном преступлении. Это преступление имеет какое – то отношение к Востоку : неспроста светская дама не выносит разговоров о чем – то «персидском». При упоминании же этого слова она зеленеет и впадает в тяжелую истерику. Это этнический термин неоднократно использован Лесковым в рассказе «Полунощники», в котором он ассоциируется с порошком для истребления клопов.

В широком же смысле, это отрава, которую берет на вооружение Марья Мартыновна, способная из – за денег и на убийство. В рассказе «Зимний день», Валериан в разговоре с матерью тоже говорит о персидском порошке, как о средстве, которым ныне травят ростовщиков. Эти слова, можно предположить, понятный намек на темные делишки гостьи дома.

Характерно, что горничная, осведомленная о «ремесле» этой даме, злорадствует, называя ее Камчаткой. Тем самым утверждая, что гостью за ее деяния стоит отправить в этот медвежий угол.

Как выяснилось, мать Валериана прекрасно знает о позорной интриге сына, но вовсе не удивлена этим : она лишь преследует практическую цель, желая выяснить куда ее чадо поместит полученный капитал.

Под стать упомянутым персонажам и другие герои рассказа, у которых начисто отсутствуют человеческие идеалы. Потому – то они, погрязшие в

атмосфере «проклятого беспутства», беспредельно циничны в своих поступках.

В сочинениях Лескова указанного периода, можно заметить, что его герои всегда соотносятся с тем делом, которое либо становится, либо может стать их жизненным призванием. Это характерно и для рассказа «Зимний день». В эпизоде, в котором две светские дамы обсуждают Лидию за недопустимо критический взгляд на современную Россию, их лица принимают «женское, официальное выражение». Это объясняется тем, что они, изменив женской природе, избрали своим ремеслом службу в секретной полиции.

Фигурирующая в рассказе кузина Олимпия, которая живет большей частью за границей, тоже имеет подозрительные связи с полицией. Именно благодаря этим связям она сумела пристроить на хорошую должность своего туповатого племянника.

Таким образом, процесс нравственного оскудения, именуемый Лесковым «оподлением» современного ему общества, неразрывно связан с «оподлением» политическим. И весьма показательны, что в роли приспешников и прислужников в рассказе выступают люди привилегированного класса, лицемерно апеллирующие к русским ценностям, к патриотическим чувствам. Небезынтересно, что среди этих деградированных людей лишь опустившийся старый генерал, потерявший семью и промотавший большое состояние, все же сохраняет способность к трезвой самооценке. Все прочие члены этого дворянского семейства, так же, как их слуги, горничные и кухарки, оказываются во власти грубых чувственных влечений : все они погружены лишь в «дела природы».

Столь позорное поведение людей культурного слоя Лесков связывает с утратой жизненных целей и ценностей. В 80 – 90 годах процессы нравственного оскудения «голод ума, голод сердца и голод души» [I, 88]. Лесков наблюдает и в народной среде. Однако писатель «списывает» данную

деградацию на чрезмерную бедность, моральную задавленность и темноту русского крестьянина.

В рассказе «Импровизаторы. Картинки с натуры» писатель художественно проиллюстрировал образ темного простолюдина – «порционного мужика», по своему характеру, в корне отличавшемуся от созданных Лесковым ранее образов русских богатырей (Ахиллы, Ивана Северьяныча Флягина, Несмертельного Голована). Вся сущность этого «мужичонки» кричит о его мелкоте и слабости, как физической, так и духовной. Лесков объясняет данное положение вещей запуганностью и бедностью героя. Прозвище «лишенный» заставляет читателей видеть существо до крайности жалкое, жертву «силы вещей» «оголевшего» от голода и несчастий : заработанные им деньги стащили в ночлежном приюте какие – то странники, разорение кормильца вызвало гибель всей его оставшейся в деревне семьи.

Этот «маленький человечек» полная противоположность карлику Николаю Афанасьевичу из «Соборян», которого миниатюрность физического сложения не лишала благообразия и изящества, неспроста герои хроники, любясь этим маленьким человеком, испытывали чувство светлого умиления. В то время как образ «порционного мужика» производит на всех окружающих его людей гнетущее впечатление. «Да уж мал он очень, - отзывается о нем лавочник, - совершенно как цыпленок или порционная стерлядка, которую делить нельзя, а надо всю сразу съесть... Амкнул – и нет его» [XI, 223]. По существу, он давно потерял человеческое обличие : «Это был не человек, а какое – то движущееся ничто, - говорит о нем автор. – Это сухой лист, который оторван где – то от какого – то ледащего дерева, и он его теперь гонит и кружит по ветру, и мочит его, и сушит, и все это для того, чтобы гнать и метать куда – то далее» [XI, 225]. Трудно понять, в чем смысл существования этого «лишенного» человека, жизнь которого насквозь пропитана болью и страданием. Ясно лишь одно, что при виде «порционного мужика» «человеку становится страшно за человека» [XI, 223].

Мотив жалких и обездоленных людей находит свое воплощение и в рассказе «Продукт природы», повествующем о насильном переселении крепостных крестьян. Обманом, вырвавшись на свободу, они безрассудно побежали обратно в родные края. Однако встретив по дороге чиновника в форменной шинели, все сорок человек в мгновение повиновались его приказу и послушно перепороли друг друга. Лесков видит в подобном «рабопленстве» народа корни «духовного крепостничества», власть которого до сих пор не была изжита.

Сколь не «гадостна» в представлении писателя, изменившаяся к худшему жизнь конца XIX столетия, он все же продолжает верить в существование в русском обществе стремления к высшему идеалу. Поэтому в его произведениях, написанных в жесткой сатирической манере, возникают образы «праведников», способных преодолеть процесс деградации и распада современного общества, сохранив чистоту души и готовность во имя идеала совершать духовные подвиги. Это Клавдинька из рассказа «Полунощники», тетя Полли и ее подруга англичанка Гильдегарда из «Юдоли» и Лидия из «Зинего дня».

Данные личности вызывают со стороны «обреченной» массы чувство злобы и ненависть. С резкой критикой и недоброжелательностью высказываются о Клавдиньке Марья Мартынова и ее собеседница Аичка в «Полунощниках». В рассказе «Юдоль» тетя Полли не раз подвергается высмеиваниям и одергиваниям. А в повести «Зимний день. Пейзаж и жанр» хозяйку и ее гостью «смертельно» раздражает «либеральничание» Лидии. Война между деградирующим обществом и «носителями» идеала, заставляет Лескова создать новый «вид» персонажа, умеющего отстоять свою духовную самобытность. По мнению В. И. Столяровой, Лесков изображая жизнь стойких и самобытных носителей высокого идеала, освобождает их от следования какой бы то ни было теоретической доктрине²¹.

²¹ Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л.: Лениздат, 1978. – 223 с.

И Лидия, и Клавдинька, и тетя Полли строят свою жизненную программу, в сущности, на одной идее деятельного добра. Эти духовно одинокие героини, находят свое призвание в помощи нуждающимся. Тетя Полли с подругой Гильдегардой спасают от голодной смерти крестьян, Лидия дарует жизнь мужику – медвежатнику, леча его от ишиаса. Избранное героинями жизненное назначение дарует им возможность испытывать завидное для остальных состояние счастья и значимости.

Таким образом, в 80 – 90 годах Лесков ополчается на современную литературную тенденцию безыдейности, и настойчиво обращает внимание читателей «к неотразимым вопросам в истории, философии и обыденной этике жизни» [XI, 532]. Желая содействовать своим творчеством духовному пробуждению людей, теряющих истинные нравственные и моральные ориентиры, писатель ставит на пьедестал героев, которые вступают в борьбу с оскудевшей массой за высшие нравственные идеалы. Эта позиция очень близка к гуманистической тенденции народного эпоса, с которым творчество Лескова имеет много точек соприкосновения.

«Пафос литературного труда Лескова органически сливается с этой исконной тенденцией народного эпоса, которую он пытается усилить, обогатить, сделать еще более жизнеспособной»²². В понимании задач искусства он подобен своим любимым героям – художникам из народной среды с их дерзостным желанием очеловечить даже звероподобное лицо, сдвинуть «гору» людской косности и равнодушия, преобразовать мир на началах высшей правды.

²² Там же, 223 с.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

В конце 60 - х – начале 70 - х годов XX века Н. С. Лесков создает ряд хроник, в которых отвергает «самодовольную современность» и полемически противопоставляет «новое» - «старое». Обращение к прошлому не уводит писателя от актуальных и злободневных проблем, напротив, это является способом выражения критического отношения к «новым временам». Хроники «Соборяне» (1872), «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Захудалый род» (1873-1874) отображение духовного кризиса автора, проявившегося в усилении критических тенденций.

Для Лескова особенно важное значение получает проблема идеала. Писатель отказывается видеть «идеал» в современной ему действительности. Наблюдая нравственный упадок и духовное оскудение общества, он все чаще обращается к истории, прошлому русского народа, и именно там находит цельные и героические характеры, полностью соответствующие его представлению об идеале.

Сюжетная линия данных произведений не строится на любовном конфликте, не посвящена отдельной судьбе человека, она рассматривает глубинные процессы «которые определяют жизнь России, расстающейся со своим патриархальным прошлым : разрушение былой общественной целостности, ослабление человеческих связей, рост эгоистических интересов»²³.

Лесков не идеализирует патриархальное прошлое отечества, понимая ограниченность и историческую исчерпанность данного уклада жизни, но в то же время он не видит будущего за новым строем, воцарившимся на Руси, который против коренных потребностей людей, стремящихся к единению и гармонии. Лесков стремится убедить современников в необходимости почтения исторического опыта, пренебрежение которыми, по его мнению, влечет за собой нравственный упадок и деградацию.

²³ Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л.: Лениздат, 1978. – 81 с.

В последние десятилетия XIX века Н. С. Лесков создает ряд произведений отличающихся особым критицизмом. Центральной темой произведений писателя становится процесс нравственной деградации самых разных слоев современного общества. Если его прежние сочинения изобиловали поисками русских «праведников», то нынешние стали жестокой пародией на существующие в стране порядки : они обличали ханжей и лицемеров у власти («Административная грация», «Заячий ремиз»), невежественных священнослужителей, «оподляющееся» общество («Загон»). Это резко сатирическое обличение пришлось не по душе цензуре и потому ряд рассказов и повестей конца XIX столетия так и не были опубликованы при жизни писателя.

В 80 – 90 годах Лесков ополчается на современную литературную тенденцию безыдейности, и настойчиво обращает внимание читателей «к неотразимым вопросам в истории, философии и обыденной этике жизни» [XI, 532]. Желая содействовать своим творчеством духовному пробуждению людей, теряющих истинные нравственные и моральные ориентиры, писатель ставит на пьедестал героев, которые вступают в борьбу с оскудевшей массой за высшие нравственные идеалы. Эта позиция очень близка к гуманистической тенденции народного эпоса, с которым творчество Лескова имеет много точек соприкосновения.

«Пафос литературного труда Лескова органически сливается с этой исконной тенденцией народного эпоса, которую он пытается усилить, обогатить, сделать еще более жизнеспособной»²⁴. В понимании задач искусства он подобен своим любимым героям – художникам из народной среды с их дерзостным желанием очеловечить даже звероподобное лицо, сдвинуть «гору» людской косности и равнодушия, преобразовать мир на началах высшей правды.

²⁴ Там же, 223 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном диссертационном исследовании была осуществлена попытка определить нравственные и религиозно – философские основы творчества Н. С. Лескова в контексте философских и общественно-политических идей России XIX века на основе анализа его художественных и публицистических произведений.

В работе рассмотрены социально-философские, религиозные и нравственно-этические основы мироощущения и миропонимания писателя, нашедшие отражение в его творческом наследии.

Рассмотрение под таким углом зрения системы идей Н. С. Лескова позволяет сделать следующие **выводы**:

Во-первых, социально-философские взгляды автора характеризуются идеалом гармонии человека и общества, однако, по мнению писателя, достичь эту гармонию по силам только натурам способным противостоять разрушительным тенденциям современного мира. Духовно оскудевшую личность с резко возросшими эгоистическими интересами Лесков обрекает на гибель.

Тема личности, освобожденная от сословных уз для Лескова имела необычайно важное значение. Само возникновение этой проблемы писатель связывал непосредственно с социальными процессами, полагая, что именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личностного достоинства.

Оригинальное лесковское решение важных для эпохи социальных проблем ярко проявилось в его очерке «Леди Макбет Мценского уезда», где образ героини можно рассматривать с точки зрения трагических последствий из – за отсутствия у «новой» женщины представления о границах дозволенного.

Н. С. Лесков ввел в русскую литературу новый тип персонажа – одержимую плотской страстью женщину, находящуюся во власти «темного»,

и одновременно составляющую с ней единое целое. Причину появления такого рода персонажей писатель связывает с непомерной властью денег, отклонением от религиозных канонов и разрушением традиционных представлений о семейно – бытовом строе, что влечет за собой моральную деградацию, развращение, духовное нищенство, вследствие чего появление насилия.

Во-вторых, на формирование нравственно - философских, а следовательно и художественных, воззрений Лескова значительно повлияла англоязычная литература, труды английских историков, богословов, философов, художников, писателей.

Данный факт нашел свое отражение в организации художественных сюжетов Лескова, где немаловажную роль играет реминисценция и прецедентный текст. У Лескова обнаруживаются обширные и разнообразные межтекстовые связи с произведениями английского драматурга У. Шекспира. Благодаря использованию реминисценции, автор создает целостные образы, которые наделяются яркими отличительными чертами, они легко узнаваемыми и хорошо понятными широкому кругу читателей. Выбор того или иного прецедентного текста передает собственную авторскую позицию и является центральным звеном в формировании характера героев Лескова, что ярко отражается в произведении «Леди Макбет Мценского уезда».

В-третьих, постоянные религиозно – этические раздумья писателя во многом определили его восприятие действительности, позицию в различных общественных вопросах, а самое главное, идейно – тематическое содержание художественного и публицистического творчества - в понимании автора нравственность основана на религии.

У Н. С. Лескова, в отличие от его современников, более отчетливо просматривается противоречивость в конфессиональных вопросах. Писатель считал, что без нравственной духовности не может быть единения с Богом.

Автор выступает против разного рода проявления агрессии в сторону сектантских отводов христианства, выступает против церковной лжи, но

вместе тем, дарит нам образы высоконравственных праведников, представителей православного христианства, не имеющих прототипов в литературе.

Лесков «умудрился совместить несовместимое: быть одновременно моралистом и эстетом», но «не русского интеллигентского или православного образца, а протестантского или толстовского»²⁵.

Лесков проявлял глубокий интерес к генезису, истории и социологии мировых религий, европейской и восточной философии, многообразию вероисповеданий и историческим связям между ними, образам пророков и мессий, вопросам индивидуального духовного опыта. Писатель всматривался в особенности психологического склада людей разной социальной, этнической и религиозной среды. Размышляя о вере, религии, церкви, естестве человека, Лесков впервые в русской культуре поставил такую важную проблему, как феномен праведничества.

Основная тема в творчестве Лескова – протест против формализма в понимании веры, против формализма Церкви. Писатель уходит от аксиомы – Христос есть истина, теперь он ищет истину материальную, которую можно «пощупать», эта идея воплощается в сборниках о праведниках.

Праведники в понимании Лескова мягко сказать, очень неоднозначны, среди них присутствуют убийцы, пьяницы, многоженцы, люди, бросившие на произвол судьбы детей и матерей. Именно на «неоднозначности» настаивает Лесков при разговоре о христианстве и праведниках. Совершенно непонятно по каким критериям их нужно оценивать, так как на основании принятой цивилизованным обществом морали это невозможно.

В-четвертых, Н. С. Лесков проявлял себя необыкновенно разнообразно, в одном лице он совмещал историка, фольклориста, археолога, специалиста в области иконописи, коллекционера рукописных и старопечатных памятников, их издателя и комментатора. Являясь знатоком и почитателем иконографии, Лесков наряду с общеизвестными и

²⁵ Ваш М. Г. Из писем М. Л. Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008. – 209 с.

традиционными живописными изображениями христианских святых, представил читательскому взору малоизвестное, нетипичное и загадочное явление библейской «изобразительности» – «адописные иконы», которым в художественной литературе практически не было уделено внимания.

К выработке собственной позиции по тому или иному вопросу писатель подходил основательно. Путь к формированию индивидуальной точки зрения шел через освоение им большого количества специальных исследований и архивных материалов, так в произведении «Запечатленный ангел» автор художественно проиллюстрировал «образное» видение Христа представителями разных отводов христианства.

В-пятых, общественно-политические воззрения писателя проявили себя в художественном и публицистическом «заступничестве» за раскольников православной Церкви.

Лесков интересовался разными отводами христианской конфессии старообрядцами, скопцами, молоканами, духоборами, штундистами, иудействующими и др., каждому из которых уделил огромное внимание в своем творчестве.

Лесков воспринимал раскол как трагический конфликт русского православия. Исходной причиной раскола, по мнению автора, можно считать бинарность сознания русских раскольников и варварскую политику государства по отношению к ним. Писатель, занимаясь темой раскола и по долгу службы и по творческому вдохновению, всегда стремился найти способы примирения раскольников с русской православной церковью.

В решении проблемы вселенского и национального Лесков «исповедует» идею Вселенской Церкви и призывает к единению всего христианского мира. В решении проблемы выбора между «религией любви» и «религией страха» Лесков также утверждает идеалы Толстого и Достоевского, которые главным принципом истинного христианства считали любовь к ближнему, лежащую в основании христианского милосердия.

В произведениях писателя мы обнаруживаем эволюцию во взглядах относительно церковного учения. Если в раннем творчестве для Лескова Православие и Истина понятия абсолютно синонимичные, то в поздних произведениях автор противопоставляет истинную веру в Христа - Церкви, выставляя последнюю в неприглядном свете.

В-шестых, нравственно – философские взгляды Лескова повлияли на становление морального идеала, своеобразного нравственного мерил.

В конце 60 - х – начале 70 - х годов XX века Н. С. Лесков создает ряд хроник, в которых отвергает «самодовольную современность» и полемически противопоставляет «новое» - «старое». Обращение к прошлому не уводит писателя от актуальных и злободневных проблем, напротив, это является способом выражения критического отношения к «новым временам». Хроники «Соборяне» (1872), «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Захудалый род» (1873-1874) отображение духовного кризиса автора, проявившегося в усилении критических тенденций.

Для Лескова особенно важное значение получает проблема идеала. Писатель отказывается видеть «идеал» в современной ему действительности. Наблюдая нравственный упадок и духовное оскудение общества, он все чаще обращается к истории, прошлому русского народа, и именно там находит цельные и героические характеры, полностью соответствующие его представлению об идеале.

Сюжетная линия данных произведений не строится на любовном конфликте, не посвящена отдельной судьбе человека, она рассматривает глубинные процессы «которые определяют жизнь России, расстающейся со своим патриархальным прошлым : разрушение былой общественной целостности, ослабление человеческих связей, рост эгоистических интересов»²⁶.

Лесков не идеализирует патриархальное прошлое отечества, понимая ограниченность и историческую исчерпанность данного уклада жизни, но в

²⁶ Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л.: Лениздат, 1978. – 81 с.

то же время он не видит будущего за новым строем, воцарившимся на Руси, который против коренных потребностей людей, стремящихся к единению и гармонии. Писатель стремится убедить современников в необходимости почтения исторического опыта, пренебрежение которыми, по его мнению, влечет за собой нравственный упадок и деградацию.

В-седьмых, в последние десятилетия XIX века Н. С. Лесков создает ряд произведений отличающихся особым критицизмом. Центральной темой произведений писателя становится процесс нравственной деградации самых разных слоев современного общества. Если его прежние сочинения изобиловали поисками русских «праведников», то нынешние стали жестокой пародией на существующие в стране порядки : они обличали ханжей и лицемеров у власти, невежественных священнослужителей, «оподляющееся» общество.

В 80 – 90 годах Лесков ополчается на современную литературную тенденцию безыдейности, и настойчиво обращает внимание читателей «к неотразимым вопросам в истории, философии и обыденной этике жизни» [XI, 532]. Желая содействовать своим творчеством духовному пробуждению людей, теряющих истинные нравственные и моральные ориентиры, писатель ставит на пьедестал героев, которые вступают в борьбу с оскудевшей массой за высшие нравственные идеалы. Эта позиция очень близка к гуманистической тенденции народного эпоса, с которым творчество Лескова имеет много точек соприкосновения.

«Пафос литературного труда Лескова органически сливается с этой исконной тенденцией народного эпоса, которую он пытается усилить, обогатить, сделать еще более жизнеспособной»²⁷. В понимании задач искусства он подобен своим любимым героям – художникам из народной среды с их дерзостным желанием очеловечить даже звероподобное лицо, сдвинуть «гору» людской косности и равнодушия, преобразовать мир на началах высшей правды.

²⁷ Там же, 223 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Общественно - политическая литература :

1. Мирзиёев Ш. М. Мы все построим свободное, демократическое и процветающее государство Узбекистан. Т.: Узбекистан, 2016. – 56 с.
2. Мирзиёев Ш. М. Критический анализ, жесткая дисциплина и персональная ответственность должны стать повседневной нормой в деятельности каждого руководителя. Т.: Узбекистан, 2017. – 102 с.
3. Мирзиёев Ш. М. Обеспечение верховенства закона и интересов человека – гарантия развития страны и благополучия народа. Т.: Узбекистан, 2017. – 48 с.
4. Мирзиёев Ш. М. С нашим многонациональным трудолюбивым народом мы вместе построим свободное демократическое и процветающее государство. Т.: Узбекистан, 2017. – 488 с.

II. Художественная литература :

5. Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 т. М. : ГИХЛ, 1978.
6. Лесков Н.С. Собр. соч. в 12 т. М.: Правда, 1989.
7. Лесков Н.С. Полн. собр. соч. в 30 т. М.: ТЕРРА, 1996.
8. Лесков Н.С. О литературе и искусстве. М.: ГИХЛ, 1984. – 452 с.
9. Лесков Н.С. Безбожные школы в России // Путь. 1994. № 5. – 305 с.
10. Лесков Н.С. <Заметка о литературе> (Публикация А. Романенко) // В мире Лескова. М.: Сов. писатель, 1983. – 365 с.
11. Лесков Н. С. Из публицистики разных лет. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1982. – 499 с.
12. Лесков Н. С. Легендарные характеры / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Старыгиной. М.: Правда. 1989. – 576 с.
13. Лесков Н. С. Памятные встречи (отрывки из воспоминаний) // Литературное наследство. Т. 101. Кн. 1: Неизданный Лесков. М.: Наследие, 1997. – 730 с.
14. Лесков Н. С. Резонеры // Литературное наследство. Т.101. Кн. 1: Неизданный Лесков. М.: Наследие, 1997. – 755 с.

15. Лесков Н.С. Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах. М.: Книга, 1988. – 205 с.
16. Лесков Н. С. Еврей в России : Несколько замечаний по еврейскому вопросу / [Предисл. Л. Аннинского]. М.: Книга, 1990. – 258 с.
17. Шекспир У. Макбет / Пер. Б. Пастернака. Сонеты. М.: Правда. 1987. – 180 с.

Ш. Научно - критическая литература :

18. Азбукин В. Н. К вопросу о становлении антицерковной темы в творчестве Н.С. Лескова 70-х начала 80-х годов // Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. Т. 153. Томск, 1980. – 254 с.
19. Азбукин В. Н. Критика духовенства и православной церкви в очерках Н.С. Лескова «Мелочи архиерейской жизни»// Ученые записки Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. № 35. Томск, 1981. – 450 с.
20. Алексина Р. М. Отчий край в творчестве писателя: К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова // Блокнот агитатора. Орёл, 1983. – 269 с.
21. Амфитеатров А. В. Николай Семенович Лесков. Собр. соч. Т. 22. СПб., 1986. – 402 с.
22. Андреев Д. Роза мира: Метафилософия истории. М., 1991. – 290 с.
23. Андреева Г. Т. Творчество Н. С. Лескова: Пособие по спецкурсу. Иркутск: Иркут. ун-т, 1992. – 690 с.
24. Анкудинова О. В. Идеино-творческие искания Н.С. Лескова 90-х годов: Дисс. канд. филол. наук. Харьков, 1975. – 421 с.
25. Анкудинова О. В. Лесков и штундисты (К проблеме изучения христианских идей в творчестве писателя 90-х годов)// Творчество Н.С. Лескова. Курск: КГПИ, 1980. – 560 с.
26. Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. М.: Книга, 1982. – 289 с.
27. Аннинский Л. Н. Три еретика : Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове – Печерском, Н. С. Лескове. М.: Книга, 1988. – 352 с.

28. Аннинский Л. А. Катастрофа в начале пути // Лесков Н. С. Собр. соч. в 6 т. Т 1. М.: Наука, 1993. – 674 с.
29. Афонин Л. Н. Слово о Лескове // Творчество Н. С. Лескова. Т. 76 (169). Курск: КГПИ, 1977. – 418 с.
30. Богданов В. В. В мире Лескова. Сб. ст. М.: Сов. Писатель, 1983. – 367 с.
31. Борхсениус Е. И. Мои воспоминания о Николае Семеновиче Лескове // В мире Лескова. М.: Сов. писатель, 1986. – 565 с.
32. Бочков В. Н. Однодум Н. С. Лескова и его прототип // Русская литература. М.: Знание, 1981. – 321 с.
33. Бухштаб Б. Я. Самобытнейший писатель русский // Лесков Н. С. Очарованный странник. Тула: Тульск. кн. изд-во, 1987. – 580 с.
34. Бухштаб Б. Я. Тайнопись позднего Лескова // Творчество Н. С. Лескова: Науч. труды Курского гос. пед. ин-та. Т. 76. Курск, 1977. – 640 с.
35. Ваш М. Г. Из писем М. Л. Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008. – 452 с.
36. В мире Лескова: Сборник статей. М.: Сов. писатель, 1984. – 780 с.
37. Волынский А. Л. Н. С. Лесков. М.: Эпоха, 1983. – 429 с.
38. Видуэцкая И. П. Н. С. Лесков. М.: Спб., 1996. – 390 с.
39. Видуэцкая И. П. Психологическое течение в литературе критического реализма (Лесков Н.С.) // Развитие реализма в русской литературе: В 3-х т. М.: Наука, 1973.
40. Видуэцкая И. П. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века // Вопросы литературы. М.: Знание, 1981. – 356 с.
41. Головкин В. М. Сюжетно - композиционное воплощение социально - нравственной проблематики в хронике Н.С. Лескова «Захудалый род» // Нравственно - эстетические проблемы художественной литературы. Элиста, 1982. – 680 с.
42. Горелов А. А. Николай Семенович Лесков // История русской литературы XIX века (вторая половина). М.: Элиста, 1987. – 695 с.

43. Горелов А. А. Н.С. Лесков и народная культура. Л.: Лениздат, 1988. – 504 с.
44. Горелов А. А. «Праведники» и «праведнический» цикл в творческой эволюции Н. С. Лескова // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. – 320 с.
45. Горелов А. А. Хождение за истиной // Лесков Н.С. Повести и рассказы. Л.: ИХЛ, 1972. – 455 с.
46. Горький М. Н. С. Лесков // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953. – 235 с.
47. Горячкина М. С. Сатира Лескова. М.: Спб., 1983. - С. 460. Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988. – 294 с.
48. Громов В. А. Рассвет над Окой // Лесков Н.С. Из публицистики разных лет. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1984. – 608 с.
49. Громов П., Эйхенбаум Б. Н. С. Лесков: Очерк творчества // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956.
50. Гроссман Л. П. Николай Семенович Лесков. М.: Знание, 1956. – С. 299.
51. Дмитренко С. Ф. Художественное сознание Лескова: постигнутое и постигаемое // Вопросы литературы. М.: Знание, 1985. – 300 с.
52. Долгополов Л. К. Повести Н. С. Лескова // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л.: Лениздат, 1973. – 602 с.
53. Другов Б. М. Н. С. Лесков. Очерк творчества. М.: Гослитиздат, 1981. – 223 с.
54. Дунаев М. М. В горниле сомнений : Православие и русская литература в XVII – XIX вв. М.: Престиж, 2003. – 680 с.
55. Дурьлин С. Н. О религиозном творчестве Н. С. Лескова. Киев: Знание, 1994. – 308 с.
56. Дыханова Б. С. В зеркалах устного слова (Народное самосознание и его стилевое воплощение в поэтике Н. С. Лескова). Воронеж: Воронежский пед. ун-т, 1994. – 458 с.

57. Дыханова Б. С. «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. С. Лескова. М.: Худож. лит., 1980. – 560 с.
58. Дыханова Б. С. Символизация факта в «пейзаже» лесковских «Полунощников» // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам. Вып. 1: Н.С. Лесков. Орёл: ОГУ, 2001. – 218 с.
59. Евдокимова О. В. Память, интуиция, вера в художественном мире Н. С. Лескова («Владычный суд»). М., СПб.: Наука, 1999. – 396 с.
60. Евдокимова О. В. Принцип «живописности» в структуре произведений Лескова (повесть «Запечатленный ангел») // Вопросы художественной структуры произведений русской классики. Владимир: Владимирск. кн. изд-во, 1983. – 300 с.
61. Зайцев Б. Н. С. Лесков (к 100-летию рождения, заметки 1931 г.). М.: Аврора. 2002. – 466 с.
62. Ивакина И. В. Женские типы в романах Н. С. Лескова «Некуда» и «Обойденные» // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам: Материалы. Вып. 1: Н. С. Лесков. Орёл: ОГУ, 2001. – 486 с.
63. Ильин В. В. Стилизация и стиль. Лесков // Эссе о русской культуре. М., СПб.: Акрополь, 1997. – 700 с.
64. Кабанова О. В. Религиозно - нравственные взгляды Н. С. Лескова // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск: Томск. кн. изд - во, 1994. – 320 с.
65. Каданер О. В. Некоторые особенности поэтики антинигилистической прозы Н. С. Лескова. Харьков : Наука, 2013. – 560 с.
66. Каданер О. В. Антинигилистический роман и Н. С. Лесков в постреволюционном литературоведении (обзор работ российских и украинских ученых). Харьков: ХГПИ, 2000. – 302 с.
67. Каданер О. В. Библейские сюжеты и образы в романе Н. С. Лескова «На ножах». Харьков: ХГПИ, 2001. – 476 с.

68. Капитанова Л. А. Н. С. Лесков в жизни и творчестве. М.: МГУ, 2003. – 458 с.
69. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 1987. – 584 с.
70. Каццола П. Несколько замечаний по поводу творчества Н. С. Лескова // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам: Материалы. Вып. 1: Н. С. Лесков. Орёл: ОГУ, 2001. – 500 с.
71. Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. М.: Наука. – 408 с.
72. Козлова Н. Н. С чего начинается Лесков // Филологические записки. Вып. 10. Воронеж: ВГУ, 1998. – 388 с.
73. Костршица В. О. О жанровом своеобразии прозы Н. С. Лескова // Филологические науки. М.: Книга, 1974. – 605 с.
74. Краснов Ф. А. Церковнославянская фразеология в художественных произведениях Н. С. Лескова. Орёл: ОГУ, 1999. – 400 с.
75. Крупчанов Л. М. «Живые лица» лесковских праведников // Новое о Лескове. М.; Йошкар-Ола, 1998. – 489 с.
76. Кудайбергенов Б. К. Социально-нравственное содержание религиозной проблематики в эпистолярном наследии Н.С. Лескова // Нравственно-этические проблемы художественной литературы: Сборник науч. трудов. Элиста: Калмыцкий гос. университет, 1983. – 835 с.
77. Кулешов В. И. Литературные связи России и западной Европы в XIX веке (первая половина). М.: МГУ, 1977. – 724 с.
78. Курляндская Г. Б. Проблема человека в «Соборях» // Творчество Н. С. Лескова: Сборник науч. трудов. Т. 76. Курск: КГПИ, 1977. – 795 с.
79. Курляндская Г. Б. Творчество Н. С. Лескова. Курск.: КГПИ, 1988. – 504 с.
80. Кучерская М. Христианство в творчестве Лескова. Лекция. М.: Слово, Семинар от 24 ноября 2014 г. – 35 с.

81. Лазаренко Е. Тема Бога в творчестве Н. С. Лескова. М.: Литература, 1997. – 386 с.
82. Ламзина А. В. Поэтика заглавий в художественном мире Е. Пермяка // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. ст. по матер. XXVIII междунар. науч.-практ. конф. №9 (28). Новосибирск.: СиБак, 2013. – 324 с.
83. Левандовский Л. И. Лесков и Украина. Киев.: Знание УССР, 1981. – 465 с.
84. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. М.: МПУ, 2000. – 499 с.
85. Леонова Б. А. «Взаимоверие» как социально-этический идеал в мемуарной очеркестике Н. С. Лескова 1880-х годов // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам. Вып. 1: Н.С. Лесков. Орёл: ОГУ, 2001. – 840 с.
86. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2 – х т. – М.: Худож. лит., 1984. – 580 с.
87. Лихачев Д. С. Особенности поэтики произведений Лескова . Л. : Сов. писатель, 1985. – 398 с.
88. Лихачев Д. С. Слово о Лескове // Литературное наследство. Т. 101. Кн. 1: Неизданный Лесков. М.: Наследие, 1997. – 619 с.
89. Лужановский А. В. Документальность повествования жанровый признак рассказов Н. С. Лескова. М.: Наследие, 1980. – 521с.
90. Лужановский А. В. Нравственные тенденции в ранних художественных произведениях Лескова // Творчество Н. С. Лескова: Сборник науч. трудов. Курск: КГПИ, 1982. – 800 с.
91. Лужановский А. В. Сюжет и фабула рассказов Н. С. Лескова второй половины 70 80-х годов // Ученые записки Ивановского пединститута. Т. 38. Иваново, 1997. – 560 с.

92. Макарова Е. А. Русская икона в эстетическом восприятии Н. С. Лескова // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 2. Томск, 1994. – 369 с.
93. Макарова Е. А. Старообрядческая культура в эстетическом сознании Н.С.Лескова: Автореферат дис. канд. филол. наук. Томск, 1992. – 580 с.
94. Мелентьева И. Е. Мотив «духовного зрения» в творчестве Н.С. Лескова // Макариевские чтения. Соборы Русской Церкви. М.: Можайск Терра, 2002. – 500 с.
95. Меньшиков М. О. Критические очерки. М.: СПб., 1989. – 340 с.
96. Мосалева Г. В. Поэтика Н. С. Лескова. Ижевск: Ижевск. кн. изд-во, 1993. – 602 с.
97. Нагибин Ю. О Лескове //Литературные раздумья. М.: Сов. Россия, 1977. – 450 с.
- 98.Новикова-Строганова А. А. Согласие в мыслях и стремлениях: Н. С. Лесков о браке и семье. М.: Книга, 2013. – 390 с.
99. Осмоловский О. Н. Психологическая манера Н.С. Лескова // Русская литература 1870 - 1890 годов: Проблемы характера. Свердловск: Свердловск. кн. изд-во, 1983. – 460 с.
100. Основин В. В. Служение царству мысли // Н. С. Лесков. М.: Спб., 1988. – 510 с.
101. Пауткин А. А. Апокриф и древнерусская иконопись в художественной интерпретации Н. С. Лескова («Сошествие во ад») // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. М., 1995. – 640 с.
102. Пигин А. В. Миф и легенда в творчестве Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. – 490 с.
103. Плещунов Н. С. Романы Н. С. Лескова «Некуда», «Соборяне». Баку.: Азернешр, 1983. – 358 с.
104. Порошенков Е. П. Художественный мир Н. С. Лескова. Борисоглебск: Борисоглебск. кн. изд-во, 1994. – 408 с.

105. Пульхритудова Е. М. Творчество Н. С. Лескова и русская массовая беллетристика // В мире Лескова. М.: Сов. писатель, 1983. – 460 с.
106. Румянцев А. Б. Н. С. Лесков и Русская Православная Церковь // Русская литература. М.: СПб., 1995. – 578 с.
107. Сальникова Т. С. Проблема положительного героя в раннем творчестве Н. С. Лескова (на материале рассказа «Овцебык»). Львов: Вопросы русской литературы, 1974. – 499 с.
108. Свительский Б. А. Характерология и авторская оценка в прозе Н. С. Лескова 60 - 70-х годов. Свердловск: Свердловск. кн. изд - во, 1983. – 500 с.
109. Семенов В. С. Николай Лесков : Время и книги. М.: Современник, 1981. – 302 с.
110. Сементковский Р. И. Н. С. Лесков. Критико-биографический очерк // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 36 т. СПб., 1990.
111. Снегирева И. С. Религиозно-философские взгляды Лескова // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам: Материалы. Вып. 1: Н. С. Лесков. Орёл: ОГУ, 2001. – 460 с.
112. Соловьев В. С. Н. С. Лесков // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. – 800 с.
113. Старыгина Н. Н. Проблема цикла в прозе Н. С. Лескова (постановка вопроса). Петрозаводск: Петрозаводск. кн. изд-во., 1984. – 680 с.
114. Старыгина Н. Н. Роман Н.С. Лескова «На ножах». М.: Правда, 1995. – 238 с.
115. Старыгина Н. Н. Больше света, больше веры в высокое призвание человека // Н. С. Лесков. М.: Просвещение, 1989. – 450 с.
116. Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов. М.: Книга, 2003. – 470 с.

117. Столярова И. В. Гоголевские традиции в сатире Н. С. Лескова. Полтава: Наука, 1984. – 680 с.
118. Столярова И. В. Нравственно-эстетическая позиция Н. С. Лескова в «рассказах кстати» («Крейцеровой сонаты», «Дама и фефёла») // Нравственно-эстетическая позиция писателя: Межвузовский сборник науч. трудов. Ставрополь, 1991. – 780 с.
119. Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л.: Лениздат, 1978. – 230 с.
120. Страхов И. «Война и мир». Сочинения графа Л. Толстого, Статья вторая и последняя. М.: Заря, 1869, № 2. – 456 с.
121. Сувчинский П. П. Знамение былого (о Лескове) // Русский узел евразийства. М.: Наука, 1997. – 680 с.
122. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. М.: Правда, 1962. – 580 с.
123. Толстой Л. Н. Об искусстве и литературе. Собр. соч. в 2 т. Т 2. М.: Просвещение, 1978. – 136 с.
124. Троицкий В. Ю. Лесков – художник. М.: Наука, 1974. – 515 с.
125. Троицкий В. Ю. Н. С. Лесков // История русской литературы XIX в. 70 -90-е годы / Под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В.Б. Катаева. М.: МГУ, 2001. – 440 с.
126. Троицкий В. Ю. Россия Лескова. М.: Правда, 1989. – 605 с.
127. Троицкий В. Ю. Россия Лескова: русская идея и русский характер (к вопросу о методологии исследования) // Традиции. Культура. Образование: Научный сборник. М., 1996. – 725 с.
128. Троицкий В. Ю. С думой о России // Н. С. Лесков. Собр. соч. в 12 т. Т 1. М.: Наука, 1990. – 480 с.
129. Туниманов В. А. Рассказы и легенды Лескова о праведниках // Лесков Н. С. На краю света. Л. Лениздат, 1985. – 570 с.
130. Тюхова Е. В. О некоторых особенностях раскрытия характера в творчестве Н. С. Лескова 1870-х годов («Соборяне», «Павлин»). Свердловск: Свердловск. кн. изд-во, 1983. – 390 с.

131. Тюхова Е. В. Принципы психологического анализа в раннем творчестве Н. С. Лескова. Курск: КГПИ, 1986. – 454 с.
132. Фаресов А. И. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. М.: Спб., 1989. – 504 с.
133. Хализев В., Майорова О. О лесковской концепции праведничества // В мире Лескова. М.: Сов. писатель, 1983. – 540 с.
134. Чуднова Л. Г. Лесков в Петербурге. Л.: Лениздат, 1975. – 255 с.
135. Шелаева А. А. Несколько слов о писателе Н. С. Лескове // Лесков Н. С. Заметки неизвестного. М.: Правда, 1989. – 612 с.

IV. Интернет – сайты :

136. <https://ru.m.wikipedia.org>
137. <https://dissercat.com>
138. <https://znanio.ru>
139. <https://docplaer.ru>
140. <https://allsoch.ru>

